

Ниль Блэк

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Боги и Монстры

Ниль Блэк
Боги и Монстры

«Автор»

2022

Блэк Н.

Боги и Монстры / Н. Блэк — «Автор», 2022

— Мне нравится, когда ты плачешь. Ты такая красивая в своём отчаянии. Роман о мафии, где "нет", сказанное не тому человеку, может стоить жизни, и не факт, что одной.

© Блэк Н., 2022

© Автор, 2022

Ниль Блэк

Боги и Монстры

===== **Shadows of the night** =====

Берген, Алтайн. Особняк семьи Росси.

– Я ненавижу тебя за твою слабость!

На полу гостиной фамильного особняка, сильно помяв роскошное платье от Alexander McQueen, сидит единственная дочь бывшего Дона семьи Росси, двадцатитрёхлетняя Мария. Любимица жёлтой прессы, идеал и кумир девушек Манхэттена, «принцесса» самой влиятельной семьи города утирает ладонями распухшее от слёз лицо, при этом безбожно портит труд лучшего визажиста страны и отказывается вставать с пола.

По комнате, шурша подолом красивого бледно-розового платья от Atelier Versace, нервно ходит мать девушки, Клаудия. Отец Марии Микеле Росси вальяжно развалился на диване и тянет пальцы к пуговицам на жилете от своего смокинга, который зажал грузную тушу и не даёт дышать.

– Встань, приведи себя в порядок и выйди к гостям, – чуть ли не молит дочь мужчины, в душе проклиная своего портного и наконец-то освободив свой немалых размеров живот. – Нельзя, чтобы Бало застал тебя здесь. Не надо его злить.

– Тебе плевать, – надломлено отвечает ему Мария, мнёт в руках подол платья, вышитый камнями и жемчугом, даже отдирает парочку от нервов. – Всем плевать на то, что я выхожу замуж за человека, который старше меня на двадцать лет, за человека, которого толком не видела, за человека, которого не люблю.

– Прошу тебя, не драматизируй! – наконец-то подаёт голос Клаудия и останавливается напротив дочери. – Я не любила твоего отца, но это не помешало мне стать супругой будущего Дона и родить ему троих детей! Не веди себя, как простолюдинка! Твой муж – наследник влиятельной семьи, его родители занимают высокие посты в правительстве, и если твой брат считает, что тебе надо связать с ним жизнь, то ты так и сделаешь!

– Мой брат – чудовище, – пытается перекричать мать девушка. – Ему плевать на меня, ему главное его бизнес! Вы боитесь его, хотя сами его создали. Вы даже меня на алтарь его амбиций положили! Меня, собственную дочь.

– Хватит! – кричит на неё женщина. – Если ты такая умная и сильная, скажи ему всё в лицо, я послушаю. Двор полон гостей, на вашу помолвку приехали самые важные люди двух стран, а ты сидишь тут и сопли на кулак наматываешь!

– Я люблю Леона, – переходит на рыдания Мария, продолжая размазывать остатки макияжа, на который ушло три часа.

– Этого оборванца? – подсакивает с дивана Микеле. – Какого-то уличного художника? Моя дочь! – багровеет мужчина. – Забудь! Твоя любовь стоит во дворе и ждёт тебя! Прекрати меня позо...

Все трое находящиеся в комнате резко поворачиваются к двери, в которую входит младший сын Микеле и вот уже как четыре года новый Дон семьи Бальтазар Росси. Он бросает полный презрения взгляд на вмиг побледневшую и даже пытающуюся подняться с пола сестру и проходит к дивану. На Бальтазаре или как его зовут близкие Бало, как и всегда, сшитый специально для него лучшим портным страны чёрный, сидящий, как влитой, костюм, надетый на тёмно-синюю шёлковую рубашку, его волосы зачёсаны назад, а один взгляд антрацитовых глаз заставляет умолкнуть всех присутствующих. В комнате наступает абсолютная тишина, и даже слышно тиканье часов викторианской эпохи на стене.

– Ты уже приехал, – прокашливается Клаудия, отчаянно пытаюсь взять себя в руки. – Мы только вот собирались выйти к гостям, – продолжает тараторить женщина и медленно проходит к сыну.

– Приведи себя в порядок, – ледяным тоном приказывает сестре Бальтазар, при этом даже не смотря в её сторону.

– А где Гаспар? – всё ещё пытается разрядить обстановку Клаудия.

– Помолвку сестры он не пропустит, и даже если придётся доставать его из-под очередной шлюхи, Калум достанет, – отмахивается Бальтазар и, встав на ноги, двигается к выходу. – У меня слишком мало времени, поэтому не будем тянуть.

– Бало, – доносится писк с угла, где до этого сидела Мария, и мужчина, остановившись на полпути, поворачивается к ней. – Ты делаешь меня несчастной.

Клаудия и Микеле вмиг бледнеют, первая лихорадочно придумывает, как бы встрять между детьми, а второй глазами ищет прислугу, чтобы ему поднесли коньяка, желательно бутылку.

– Малышка, – скорее скалится, чем улыбается Бало и медленно идёт к сестре. Он опускается на корточки перед девушкой и берёт её руки в свои ладони. – Ты будешь счастлива, просто ты слишком мала, чтобы знать, что такое счастье. Я тебе его, считай, дарю. Уверен, моя сестрёнка – умница и не позволит ничему омрачить настроение своего брата, – он нагибается и оставляет короткий поцелуй на лбу зарёванной девушки. – А теперь поднимись к себе, приведи себя в порядок и спускайся во двор.

– Я не люблю его... – всхлипывает Мария.

– Докажи тому, кого любишь, что твоя любовь – не просто слова, – вкрадчиво говорит Бальтазар, убирая выбившуюся из причёски девушки прядку волос за ухо. – Порадуй брата, иначе груз твоей любви похоронит твоего бродяжку-художника. Да, да, – продолжает поглаживать по волосам девушку Бало. – Я знаю его.

– Ненавижу тебя...

– Я тоже тебя люблю, – Бало ещё раз целует девушку и, поднявшись на ноги, идёт к выходу.

– Лея, – громко зовёт Клаудия, и в гостиную входит хрупкая женщина лет сорока. – Проводи Марию в её спальню и проследи, чтобы она привела себя в порядок.

– Да, госпожа, – кланяется женщина и идёт за буквально тащащей себя к лестницам девушкой.

Огромный двор самого дорогого в округе Берген особняка украшен лучшими дизайнерами и флористами мира, специально привезёнными со всех уголков земли для этого дня. На мероприятии играет любимая группа Марии, столы ломаются от изысканных блюд и закусок. Бальтазар распорядился открыть семейный погреб, поэтому гости этим вечером наслаждаются лучшими винами, годами коллекционируемыми семьёй Росси.

Сам Дон медленно ходит между столами, принимает поздравления, слушает просьбы и пожелания и тепло со всеми общается. Бальтазар как раз слушает хвалебные речи близкого семье конгрессмена, когда замечает идущего к нему старшего брата Гаспара.

– Отойдём, – нагибается к нему Гаспар и приветливо кивает его собеседнику.

– Ещё час, и новость о сенаторе появится на всех телеканалах страны.

– Ты сделал всё, как мы и договаривались? – осматривая двор, спрашивает младший.

– Конечно, – усмехается Гаспар. – Его убила семья Феретти. Мы вчера заключили с ним контракт, посадили пару деревьев, профинансировали строительство школы. Зачем нам убивать его? – театрально разводит руки старший. – Ах, да, – подмигивает он брату. – Совершенно случайно оказалось, что шлюха, с которой он проводил ночь, принадлежит семье Феретти. И уж точно случайно то, что его убили ударом ножа в сердце.

– Их знак оставил?

– Обижаешь, – дуется Гаспар. – В Корпорацию мы не обращались, разрешений не просили, я даже своим дело поручать не стал. Сам всё сделал.

– Чудесно. У нас помолвка, нам не до убийств, мы вне подозрений, – усмехается Бало.

– Сто лет сюда не приезжал, – Гаспар бросает взгляд на особняк, вдыхает воздух полной грудью и подмигивает мимо проходящим дамам. – Никто не обидится, если, вызвав почтение сестрёнке, я уеду в Royal? – спрашивает разрешение у брата.

– Сегодня мы больше не работаем, поэтому поезжай, я присоединюсь к тебе позже, – хлопает его по плечу Бало и двигается в сторону только прибывшего сенатора.

Манхэттен, квартира заместителя начальника отдела по «борьбе с организованной преступностью» полиции Нью-Йорка, Майкла Амато.

– Не дали аккредитацию! Что за бред? – возмущается Айна, попутно натягивая на себя джинсы и двигаясь к кухне. – Нет, ты представляешь, это какой-то маразм. Будто бы это госдепартамент страны, а не какая-то вечеринка! С каких пор на освещение такого рода мероприятий мне нужна аккредитация? – чуть ли не кричит девушка. – Они превратились в богов, это мы сделали их богами! – она протягивает руку к обжаренному бекону на тарелке и, прикрыв веки, с удовольствием его жуёт.

– Это временно, – Майкл кладёт перед ней яичницу и идёт к холодильнику за соком. – Как возвели на престол, так и опустим. Хотя ты мне так нужна была на этой помолвке.

– Знаю, – грустно бурчит Айна. – Я сама так ждала этого дня. Там все! Ещё и семьи из Азии прилетели. Представь, сколько бы интервью, сплетен я бы там собрала. Но помолвка закрыта для прессы.

– Надеюсь, на свадьбу ты уж проберёшься, такое пропускать нельзя. А то без тебя я будто слеп, – Майкл тоже садится за стол и тянет поближе свою тарелку.

– Прости, любимый, – с полным ртом отвечает Айна. – Обещаю, я туда прорвусь, все связи использую. Я знаю, как тебе важно покончить с Росси.

– Очень важно, – вздыхает Майкл. – Хоть двадцать лет потратить на эти дни в полицейском участке – бесполезно. А одно доказательство, одна сенсация, и я приведу в суд этих сукиных детей. Вот тогда кресло капитана будет моим. Эта жирная свинья, сейчас его занимающая, только и знает, что тени своей боится, не даёт лишних движений делать. Так правосудие никогда работать не будет.

– Понимаю, сама у такой работаю, – Айна продолжает ковыряться вилок в яичнице и задумывается.

– Но, в любом случае, твоя безопасность для меня важнее всего, поэтому, если не пропустят и на свадьбу, мы это переживём, а ты несанкционированных шагов не предпримешь.

– А через забор перепрыгнуть? – заливается смехом Айна.

– Ладно, доедай быстрее и выходи первой, – подгоняет ее Амато. – Мне сегодня надо пораньше в участок, так что я выйду следом.

– Как же мне надоело прятаться, – недовольно бурчит девушка и отодвигает тарелку.

– Но, малышка, ты же всё понимаешь, – накрывает рукой ее ладонь Майкл. – Разнюхай кто про нашу связь, и мне повышения не видать. Ты ведь знаешь, что связь со скандальной журналисткой мне звезд не добавит.

– Знаю, прости, просто капризничаю, – выдыхает Айна и встаёт из-за стола.

– Я получу должность, докажу свою компетентность, а потом можно будет не прятаться, – Майкл подходит к ней и притягивает к себе. – Мы сразу же съедемся и нормально с тобой заживём.

Он долго целует девушку и отпускает, только вспомнив про время. Айна натягивает футболку и, схватив свои вещи, идёт на выход. Она пару раз осматривает улицу из подъезда и,

только убедившись, что никого нет, быстрыми шагами идёт в сторону соседнего квартала, где оставила ночью свой БМВ.

– Совсем обалдела, сильно опаздываешь, – стоит Айне усесться за свой рабочий стол, как прямо на него же плюхается ее босс и хороший друг Ким Дэвон.

– Работала, – бурчит Айна и включает ноутбук.

– Вижу по засосам на твоей шее, что очень много работала, – усмехается Дэвон и протягивает ей кофе.

– Да я и так расстроена, а ещё ты меня достаёшь, – огрызается Айна, но кофе берёт.

– Всё ещё не смиришься, что тебя на помолвку «принцессы» Росси не пустили?

– Вообще-то это ты должен возмущаться, ты же босс, а мы потеряли столько материала.

– Скажу тебе по секрету, подальше от ушей мегеры, – косится в сторону стеклянного кабинета главного редактора Дэвон и нагибается ближе. – Я даже рад, потому что тебе туда соваться не стоит.

– Перестань, а то я начну думать, что ты трус, – кривит рот Айна.

– Я просто трезво мыслю, – пожимает плечами Дэвон. – У меня жена, двое детей, я не ищу приключений на свою задницу и очень не хочу, чтобы твоя их нашла. До этого мы работали по мелочам: сутенёры, мелкие наркоторговцы – но ты, малышка, полезла в высшую лигу, а там просто угрозами или дохлыми крысами перед дверью не обойдёшься. Уж я-то знаю.

– Мы не в светской хронике работаем, – злится Айна, но старается не повышать голос. – Мы занимаемся расследовательской журналистикой! Семья Росси в прошлом году убила своей наркотой двести тридцать человек, тебе показать статистику? Да, ту самую, которую правительство прячет. Они объясняют смерти чем угодно, только не наркотиками, потому что боятся его, как собаки, и потому что у многих есть с ним общий бизнес. Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю. В Нью-Йорке после вытеснения латиноамериканских поставщиков работают три семьи, а самые крупные партии поставляют именно Росси. Я это знаю, ты это знаешь. Но что мы делаем? Мы терпим. Трясёмся перед ними. А потом твердим на весь мир, что СМИ – это четвёртая власть, что нам под силу всё поменять. Я в это всё равно верю, и я поменяю. Они отступятся рано или поздно, а я поймаю этот момент, а потом им не отмыться. Тут главное – открыть глаза общественности, а наша газета – лучший для этого способ. Мы посадим не только Росси, но и всех тех коррумпированных сенаторов и конгрессменов.

– Ох, переживаю я за тебя, очень сильно, – грустно говорит Дэвон. – Попадись ты им на глаза, даже твой отец тебя не вытащит, поэтому не лезь на рожон. Ты слишком молода, чтобы, как наш бывший коллега, задохнуться дома от газа. Мы ведь знаем, что это был не несчастный случай. Напиши лучше про геев, которые вчера в Бруклине подрались. Народ любит зрелища, а кровищи там было много. Наш фотограф как раз сейчас фотографии редактирует.

– Сам про это пиши, – огрызается Айна. – Я хочу пару звонков сделать и заказать новое платье.

– Зачем? – приподнимает брови Дэвон.

– В конце месяца я иду на свадьбу, – подмигивает ему девушка.

– Глупый амбициозный ребёнок, – тяжело вздыхает Дэвон и возвращается в свой кабинет.

Куинс, домик семьи Пол.

– Ты опять сильно устала, у тебя напряжены все мышцы, – Крис делает мягкий массаж сидящей в кресле маме. – Мне не нравится, как ты выглядишь, я беспокоюсь.

– Помолвка из меня все силы выжала, – вздыхает женщина и морщится, когда Кристина надавливает на болезненные точки.

– Ну хоть выходной бы тебе дали, ты работаешь трое суток без сна, – возмущается девушка, продолжая массировать шею женщины.

– Госпожа никому не доверяет, кроме меня, – устало вздыхает Лея. – Я должна быть начеку, следить за слугами, обеспечивать её всем, что она пожелает. Ты же знаешь, она капризная, а работу терять мне сейчас нельзя.

– Она изверг! – восклицает Крис. – Ты могла бы хотя бы завтра взять выходной, ты заслужила.

– Я постараюсь с ней поговорить, может, она разрешит хотя бы раньше уйти. Я на ногах еле стою.

– Хочешь, я выйду за тебя? Я ведь уже пару раз тебя в прошлом году заменяла, я знаю, что и как. Один день я с ней повожусь, а ты отоспишься, – предлагает девушка.

– Не знаю, согласится ли она, и потом у тебя уроки, своя работа, – отмахивается Лея.

– Со следующей недели я не учусь, как раз экзамены сейчас сдаю. Я могу и в кофейне взять выходной, – настаивает Крис. – Спроси у неё завтра, если что, я тебя заменю. А ты ту неделю опять комплекс лечения для сердца и общего состояния примешь.

– Ты моё солнце, – тепло улыбается дочери Лея и, приподнявшись, целует ее в щёку. – А теперь пойдём, я тебя покормлю.

Семье Росси принадлежит сеть ночных развлекательных заведений Royal. Сюда входят казино Royal dreams, ночной клуб Royal, несколько стриптиз клубов и работающие под прикрытием гостиниц публичные дома. Работу всех этих объектов контролирует Гаспар. Бальтазар сразу, как вступил в должность, произвёл реорганизацию и чётко разграничил наркоторговлю от всего остального бизнеса семьи. Это было сделано, чтобы в случае проблем с одним бизнесом, второй всё равно работал бесперебойно и обеспечивал приток дохода в казну семьи. Именно поэтому все остальные объекты официально не числятся за семьёй Росси, а зарегистрированы под девичьей фамилией матери. Помимо семьи Росси в Нью-Йорке функционируют семья Феретти и семья Карло. Первых Бальтазар планирует вытеснить из города, а вторых – присоединить к себе.

Бальтазар оставляет охрану у дверей и проходит к обтянутому зелёным сукном столу. Крупье перестаёт раздавать карты, и все, кто до этого играл, поднимаются на ноги и, поклонившись гостю, переходят за другие столы. Гаспар отодвигает фишки и просит себе и брату виски.

– Я потерял слишком много времени и даже средств, пока ты изрисовывал стены в тюрьме, – сдвигает брови на переносице Бало и стучит пальцами по поставленному напротив него бокалу.

– Я уже пообещал, что это посл...

– Я не закончил, – перебивает его Бальтазар и поднимает взгляд на брата. – Ты не просто мои глаза ночью и каратель, ты – единственное доверенное лицо, и ты консилъери. Если ещё раз подведешь меня и сядешь в тюрьму, то я сделаю всё возможное, чтобы ты больше никогда не вышел.

– Я понял, – тихо говорит Гаспар и опускает глаза.

– Нюхай, что хочешь, трахай, кого хочешь, да хоть на Таймс-сквере устрой оргию, но будь добр потом вернуться домой, а не за решётку. Ты меня понял?

– Понял, – понуро отвечает старший.

– Вот и прекрасно, – Бало берёт бокал в руки и, чокнувшись с бокалом Гаспара на столе, делает первый глоток. – За возвращение моего любимого брата. Что у нас с той газетёнкой? Откуда был слив? Как они узнали о моей командировке в Лондон?

– К сожалению, я всё ещё не могу выяснить, – зарывается пятерней в волосы Гаспар. – Но у них точно есть информатор в верхах, возможно, даже в аэропорту и в полиции.

– Пусть Калум встретится с главным этой газетёнки, позовёт его на кофе, и мы сделаем щедрый подарок и предупреждение, – говорит Бало. – Если этот человек от встречи откажется,

что вполне реально, учитывая, какой курс они держат, то пусть Калум сам навестит его и, опять же, не без подарка. Если и этот вариант не сработает, то пусть с ним поговорит наш многоуважаемый друг-сенатор.

– Не легче ли мне самому зайти в гости? – приподняв бровь, спрашивает Гаспар.

– Нет, мне не нужно лишнее внимание, а после твоего визита оно точно будет, – отрезает Балло. – Физическая ликвидация – это последнее, к чему нам стоит прибегнуть. Если у главного в газетёнке есть мозги, то он возьмёт деньги и поедет выбирать себе недвижимость.

– Как скажешь. В любом случае, на эту журналистку Айну Фатих, которая тебе продохнуть не даёт, я компромат собрал, одно твоё слово – и я ее прихлопну.

– Надо думать глубже, – усмеяется Бальтазар и откидывается на спинку кресла. – Меня не интересует эта мелкая рыбёшка, меня интересует тот, кто позволяет таким материалам выходить в свет. Так что если рубить, то голову. Айна Фатих... – смакует на языке Бальтазар. – Айна – это ведь "родник" с арабского? Я всё ещё немного помню язык, – смеётся он.

Айна уже как час ворочается в постели в своей маленькой квартире-студии на Манхэттене и не может уснуть. Поняв, что сон не идёт, она решает полежать в ванной, смыть с себя усталость и успокоить возбуждённый насыщенный днём мозг. Девушка не ленится, зажигает свечи, добавляет морскую соль в ванну. Она погружается в обволакивающую ее воду, прикрывает веки и полностью расслабляется. Внезапно в тёплой, наполненной паром ванной комнате становится холодно. Холод пронзает чуть ли не до костей, Айна резко присаживается в ванне, обнимает себя руками и даже думает, что, наверное, заболела, потому что в квартире двадцать пять градусов, во дворе – начало лета, а ее так сильно лихорадит. Она приподнимается, чтобы вылезти из ванны, но, застыв на полпути, с ужасом наблюдает, как одна за другой потухают свечи. Дверь в ванную закрыта, сквозняка нет, но все четыре ароматические свечи потухают, так и оставив ошарашенную девушку в уже остывшей воде.

– Даже солнце рано или поздно потухнет, недолго этой Айне блистать осталось, – усмеяется Бальтазар и идёт к ждущей его у дверей охране.

===== **My eyes on you** =====

Тёплое и солнечное утро выходного дня в Нью-Йорке омрачает только новость о трагической кончине активного общественного деятеля и сенатора Джо Майлза. Майлз был найден полицией в номере одного из отелей в пригороде с воткнутым прямо в сердце ножом. Все утренние газеты страны пестрели заголовками из серии: «Сенатор погиб под шлюхой», «Позорная смерть того, кому граждане доверили свою жизнь», «Как сенатор Майлз пал жертвой своего аппетита?» – и всё в этом роде. Проститутку, которая обслуживала в ту ночь сенатора, полиция нашла сразу же, и сейчас она находится в участке. По словам девушки, она покинула гостиницу в 20:05 вечера, оставив мужчину в комнате, и к убийству не причастна. Камеры наблюдения подтвердили её слова, так же как и медики, которые назвали время смерти сенатора – половина десятого вечера. Полиция сейчас ищет любые зацепки, которые бы могли пролить свет на страшное убийство. Камеры других посетителей отеля в этот промежуток времени не зафиксировали.

Амато вертится на своём кресле, в сотый раз задаёт одни и те же вопросы своим людям и продолжает рассматривать скудный материал, собранный по делу об убийстве. Он сразу по почерку узнал убийцу сенатора, но он слишком долго в полиции, чтобы верить своим глазам, а не интуиции. Следователя отрывает от дум пришедшее на мобильный смс от Айны:

«Пошли ребят за моей газетой, тебе понравится».

Майкл просит помощника принести ему газету и сразу бросается к NY Standart. Первая полоса газеты, как и у всех остальных в это утро, посвящена смерти сенатора. Майкл улыбается,

прочитав заголовок, и уже в который раз отмечает про себя пылливый и незаурядный ум своей девушки.

Громкое убийство на пересечении 44 и 45, или как семья Росси решила сменить фамилию.

Амато пропускает описание места преступления и деталей убийства и сразу переходит к последнему абзацу, именно там обычно Айна собирает всё самое интересное. Он с огромным интересом читает, как чётко и правильно девушка объясняет выгоду от смерти сенатора двум семьям, периодически кивает и гордится ее мастерством.

«Можно самим скопировать ушитый драгоценными камнями милитари пиджак от Balmain и пришить бирку или купить его в любом мало-мальски уважающем себя китайском интернет-магазине. Но если вы, гордо задрав подбородок, продефилируете в этом пиджаке по улицам Большого Яблока, пытаясь убедить прохожих, что это Balmain, то я вам сочувствую. И Росси – не Феретти, пусть даже быют в сердце и оставляют чужую подпись.»

NY Standart, корп. Айна Фатих.

Амато убирает газету в полку и сразу набирает Айне смс.

«Ты умничка».

«Всё раскупили, это невероятно! У мегеры чуть приступ не случился, что тираж закончился».

Гаспар с трудом разлепляет веки и пытается выбраться из-под груды тел, оккупировавших кровать в номере-люкс отеля Four Seasons. Он помнит, что пил в казино, потом поехал в клуб, заказал приватные танцы и всё. Дальше туман, он ничего не помнит, а голова раскалывается так, что будто по швам пойдёт. Он отталкивает посапывающего на груди парня и тянется к тумбочке за разрывающимся мобильным.

– Живо ко мне.

Судя по голосу брата, случилось что-то ужасное, но даже если за дверью гостиницы начало конца света, то без душа Гаспар никуда не пойдёт. Как раз к тому времени и Бало немного успокоится, с такой головой Гаспар злого брата не выдержит. Второпях приняв душ и приведя себя в порядок, он вызывает своих охранников и, поручив им разобраться с гостями и администрацией гостиницы, спускается вниз к своему Феррари.

Бальтазар разъярён. Гаспар сперва пару минут только на пороге кабинета топчется, ближе подойти не рискует. Бало сидит в своём кресле, ворот рубашки расстегнут на три пуговицы, волосы взъерошены, весь стол завален газетами, они даже на полу стопками. За ним скалой нависает молчаливый Калум.

– Тебе красную ковровую дорожку расстелить? – хмуро смотрит на брата Бало.

– Что произошло? – наконец-то проходит к столу Гаспар и моментально ловит брошенную в него братом газету. Быстро пробежав глазами по газете, он застревает на последнем абзаце и громко выругивается.

– Значит, я не успел.

– Сворачиваем тот план с газетёнок, – отшвыривает в сторону газеты Бальтазар и поднимается на ноги. – Пусть эту журналогу найдут. Вечером я с ней поужинаю.

– Но...

– Слушай меня внимательно, – не даёт договорить младший. – Она ведь ищет со мной встречи столько времени. Пусть ее от моего имени пригласят на ужин, я дам ей интервью, отвечу на пару вопросов, возможно, разрешу участвовать в свадьбе. Попробую привлечь на свою сторону. Покажу ей, что я открыт для прессы и мне нечего бояться. В восемь в ресторане Olivia, чтобы она сидела за моим столом.

– С чего ты взял, что она согласится? – не понимает Гаспар плана брата.

– Хороший журналист должен подавать информацию сбалансированной, а она позиционирует себя именно такой. Она дала в этом материале одну точку зрения, пусть теперь послушает и мою.

– Это очень умно, – усмехается Гаспар. – Но зачем тебе столько газет? – оглядывает он комнату.

– Мы скупили почти весь тираж, это не очень-то поможет, у них есть интернет-версия газеты, но пусть так, чем ничего, – говорит Бальтазар и идёт к двери. – Ты займись девчонкой, а я приведу себя в порядок и поеду к семье Сенатора, выражу соболезнования.

– Ты не поверишь, я до сих пор в шоке, у меня такое возбуждённое состояние, что я не могу собраться, – Айна второпях пихает в рот любимый салат и запивает его апельсиновым соком.

– Я вижу, – улыбается ей сидящий напротив Майкл. – Ты ешь уже вторую тарелку салата, хотя обычно и с одной не справляешься.

Пара сидит в небольшом семейном кафе в Бруклине. Майкл бросил всё и сразу приехал на встречу, стоило Айне сказать, что Демон пригласил ее на ужин.

– Мне позвонил его секретарь, – наконец-то отодвигает полупустую тарелку Айна. – Я не поверила. Ты-то знаешь, сколько запросов на интервью я засылала в его офис и не получала ответа. Никакого. Так вот, я не поверила, но потом со мной связался Монстр. Ты можешь себе представить? Сам Гаспар Росси позвонил мне, чтобы я подтвердила встречу.

– А мегера? Почему они не сделали это через главного, как и принято обычно, – недоумевает Амато.

– Не знаю, – пожимает плечами Айна. – Но она ничего не знает, и я не скажу.

– Айна, – вздыхает Майкл. – Это очень опасно, как и для жизни, так и для твоей будущей карьеры.

– Мегера не разрешит, придумает сотню причин, и вообще, может, сама захочет пойти на ужин, урвать сенсацию, но она же-то тупая! – вскипает Айна. – Она не сможет задать те вопросы, которые хочу задать я. И потом, Росси хотят видеть именно меня.

– Всё равно поставь в известность редакцию, а я возьму под охрану район, где ресторан. Придётся злоупотребить служебными полномочиями, но мне плевать. Главное, чтобы тебе ничего не угрожало.

– И не будет! – Айна просит официантку долить ей кофе. – Он хочет отмыться, думает, он такой умный, накормит меня, может, пару хвалебных слов скажет, и я сойду со своего курса. Я хочу, очень хочу, чтобы он даже взятку предложил, но это вряд ли. Он не настолько дурак. Наверное.

– Он страшный человек, – массирует виски Амато. – Он там же тебя может прихлопнуть. Я очень сильно переживаю. Всё-таки тебе надо ему отказать.

– Да что с тобой? – громче, чем хотелось бы, спрашивает Айна и извиняющимся взглядом смотрит на обернувшуюся к ней пожилую пару за соседним столом. – Это ведь ты учил меня идти до конца! Ты половину жизни положил на борьбу с коррупцией и организованной преступностью, ты меня вдохновлял, а сейчас я уже готов сорвать куш, а ты меня тормозишь.

– Нет, ни в коем случае не торможу, просто сильно переживаю.

– Ну, наматывай круги в том квартале, если тебе так будет спокойнее. Но ты прекрасно знаешь, что он меня не тронет. Он мог бы подослать киллера или громил, чтобы меня припугнули, а он зовёт на ужин. На самом деле, это очень красивый ход, – смеётся Айна. – Он решил брать обходительностью. Чёрт возьми, поверить не могу, что я увижу Бало, сукиного сына, Росси, – бьёт по столу руками девушка и снова извиняется перед посетителями. – Я увижу самого Демона. Впервые не за толстым стеклом бронированной машины и точно не на мутных фотографиях.

– Хорошо. Я буду у ресторана без пятнадцати восемь, придётся быть в гражданском. Надо мне машину арендовать, – нехотя соглашается Амато. – Даже прослушку не могу поставить. Они тебя у дверей тщательно проверят.

– Всё, всё, не переживай. У меня хорошее предчувствие, – улыбается ему Айна и тянется к меню десертов. – Доем и поеду домой. Я обещала сестрёнке приехать на чаепитие с её куклами.

– Ты же ненавидишь дом. Опять у тебя будет стресс.

– Я ненавижу отца, но малышку люблю. Придётся пожертвовать несколько сотен нервных клеток, но лучше я так себя чем-то займу, а то у меня сердце из груди буквально выскочит в ожидании вечера.

Крис устало опускается прямо на пол в танцевальном классе и медленно разматывает ленты с пуант. Она, морщась, осторожно массирует ноющие ноги и только потом, поднявшись, идёт в раздевалку.

Крис сложнее, чем ее согруппницам, потому что она не с детства занимается этим видом искусства, а с четырнадцати лет. В тот поворотный вечер ее жизни, когда Крис по приглашению троюродной сестры танцевала в её колледже, ее заметил преподаватель лучшей школы балета Нью-Йорка. С тех пор Крис одна из четверых студенток во всей школе, кто учится по гранту. Сама девушка никогда не смогла бы позволить себе обучение в самой престижной школе балета в стране.

Лея одна растит дочь. Отец ушёл из семьи, когда Крис было три годика, оставив им дом, и больше от него ничего не слышно. Сразу после школы Крис начала подрабатывать, чтобы помогать маме, и даже сейчас, после уроков балета, бежит в кофейню, где работает официанткой. Крис мечтает стать блестящей танцовщицей, выступать на сцене Метрополитен-оперы, и всё это ради того, чтобы мама перестала работать. Последние пять лет она работает экономкой у одной богатой и влиятельной семьи. Лея неплохо зарабатывает, но за каждую копейку платит своим потом. С каждым годом женщине всё сложнее из-за возраста, а теперь ещё и здоровье, которому она никогда не уделяла должного внимания, подводит.

Крис часами из зала не выходит, несмотря на боль в ногах, моральное истощение, она всё равно танцует, слушает каждое слово преподавателя и всё мечтает о большой сцене. Это единственный шанс вырваться и обеспечить маму всем, чем можно.

Закинув в рюкзак одежду, девушка выходит из школы и понуро плетётся к магазину. Надо купить продуктов по списку матери и краску для волос. Стать блондинкой было ужасной идеей, теперь каждые две недели приходится осветлять корни, но в тёмный Крис возвращаться не хочет. Все студентки и даже преподаватели считают, что Крис очень идут золотистые локоны, и она теперь и сама в это верит.

Через час после чаепития с куклами и болтовни с пятилетней сестрёнкой Мэй, Айна прощается с девочкой и спускается вниз. Уже почти шесть вечера, надо успеть заехать домой, переодеться и поехать на ужин.

Айна благодарит Монику, вторую жену отца, за лимонад и присаживается на стул, пока женщина хлопочет на кухне. Айна предупреждает, что на ужин не останется, но Моника всё равно кладёт перед ней то фрукты, то десерты. На самом деле Айна хочет уйти до приезда отца, чтобы с ним не сталкиваться, но от капкейков не отказывается, не расстраивает женщину.

Мама Айны скончалась от длительной болезни, когда ей было шестнадцать. Через год отец женился на Монике, и у них сразу же родилась Мэй. Айна искренне любит сестрёнку и тепло относится к мачехе, которая сразу завоевала ее сердце своей простотой и открытостью. Айна до сих пор не понимает, что может связывать таких разных людей, как ее отец и Моника, но в их отношения не лезет. Она тепло прощается с женщиной и уже во дворе, направляясь

к своей машине, видит идущего к ней отца. «Не успела», – думает про себя девушка и кивает остановившемуся напротив грузному мужчине.

Ихсан Фатих, один из самых известных и уважаемых судей города, смеряет Айну презрительным взглядом и, зацепив глазами два новых прокола в хряще уха девушки, недовольно фыркает.

– Чего уж стесняться, проколи и нос, и рот, увесь себя кольцами, как новогодняя ёлка. Не дай Бог, в городе останется кто-то, кто не будет знать, что дочь Ихсана – клоунесса и лесбиянка.

– Где вообще связь? – устало вздыхает Айна. – Тебе плевать, как, главное, меня обидеть.

– Выбери выражения! – вскипает мужчина.

– Я бы хотела быть лесбиянкой, ведь у меня такой пример мужчины перед глазами, – Айна обходит мужчину и быстрыми шагами идёт к БМВ.

– Когда перестанешь позорить моё имя, приезжай, а пока, будь добра, держись подальше от моей семьи! – кричит ей в спину Ихсан.

– Я не к тебе приезжаю, даже на похороны твои не приеду. А сестру видеть – мне твоё разрешение не нужно, – кричит ему в ответ девушка и садится за руль.

Айна в последний раз придирчиво осматривает свой незамысловатый строгий наряд, состоящий из чёрного пиджака и брюк, и, надев очки для пущей солидности, спускается вниз к такси. Всю дорогу до ресторана она повторяет про себя основные вопросы, проверяет свои два диктофона, пытается совладать с бушующими внутри от предстоящего интересного вечера эмоциями. Уже на подъезде к ресторану Майкл скидывает смс-ку, что он на месте и желает удачи.

Прямо перед входом в ресторан стоят два внедорожника и чёрный роллс-ройс Wraith. Айна нарочно не взяла машину, вызвала такси, потому что с парковкой в этом районе сложно, но эта проблема, видимо, не касается автомобилей семьи Росси, так нагло наполовину перекрывших дорогу. Айна расплачивается с таксистом и, схватив свой рюкзак, идёт ко входу. Девушку тщательно проверяют прямо на пороге и только потом провожают к столу, за которым ее ждут. В ресторане, как и следовало ожидать, нет больше посетителей. Айна останавливается напротив единственного занятого стола, ждёт, пока мужчина уберёт от лица меню, и кладёт рюкзак на стул, пытаясь достать из него блокнот и диктофоны. Бальтазар откладывает винную карту в сторону, с интересом наблюдает за копошением журналистки.

– Нашла, – выдыхает Айна, садится и, положив диктофоны на стол, впервые поднимает глаза на будущего собеседника.

Бало Демон Росси. Айна сотни раз выводила это имя в вордовском файле, в заметках на телефоне, в своих блокнотах, но никогда внимания особо не заостряла, даже усмехалась прозвищу, которым пресса наградила одного из самых влиятельных людей города. Вот только сейчас не до смеха совсем. Мужчина перед ней и вправду Демон, иначе как объяснить то, что на дне радужной оболочки его глаз Айна видит языки пламени, и лижут они сейчас ее кожу. Айна даже дёргается, будто бы по всей поверхности кожи невидимые глазу ожоги чувствует, тянется к стакану с водой, внезапную засуху внутри унимает. В этих глазах напротив бескрайние мёртвые пустыри, облизанная пламенем иссохшая земля, она покрыта трещинами, такими же, которые сейчас на Айне шире расходятся.

Айна такого никогда ранее не чувствовала: она по работе имела дело с самыми последними сутенёрами в Гарлеме, общалась с приговорённым к смертной казни за массовое убийство, делала интервью с насильником-педофилом, но это другое. Так смотрит не убийца, не насильник, не грабитель, не человек, у которого руки по локоть в чужой крови, так смотрит тот, кто даёт эти указания, тот, кто, возможно, манжеты своих рубашек и не пачкает, но тот, кто молча за этим всем наблюдает. Поэтому и страшно сейчас. Ведь ужасны не те, кто совершает преступления, а те, кто им это разрешает, поручает, те, кто наблюдает. Этот Демон кровь не

пъёт, кости не крошит, он приходит в конце, за секунду до последнего вдоха, и душу забирает, коллекционирует. Айна это в чёрном омуте чётко видит, но сколько их там, душ, испитых этим Демоном, не сосчитать. Айна пыталась, сотню статистик просмотрела официальных и неофициальных, точных цифр нет.

Этот взгляд, с нее кожу снимающий, всё такой же голодный, ненасытный, будто Айна следующей будет. Демон жертву внимательно рассматривает, даже нагло, подолгу на каждом сантиметре участка лица задерживается, а пламя на дне зрачков всё больше разгорается. Айне вдруг дышать нечем, она горло массирует, резко домой хочет. Запереться бы на ключ, не вылезать и никого не впускать.

Выносить больше невозможно. Айна сдаётся, опускает глаза, Бальтазар замечает, легонько усмехается, но глаз не уводит. Даже не хочет. Девушка перед ним ангелоподобная, если присмотреться, и нимб над головой светит. Бальтазар, как самое любимое дитя преисподней, вечно на белое тянет, ведь на белом холсте самые красивые и яркие узоры получаются. Бало бы на ней порисовал, желательно красным. Таким же красным, как ее губы. Почему они так чётко выражаются на фоне бледной и тончайшей кожи – непонятно. Но это выводит из себя, потому что ломать Бальтазар любит через глаза, а тут уже пару секунд на губах завис, взгляд не поднимается.

Странная тяга, странная девчонка, странный вечер.

Айна тем временем мысленно даёт себе пощёчину, что испугалась непонятно чего, пытается взять себя в руки.

– Мистер Росси, – наконец-то прокашливается девушка. – Меня зовут...

– Айна Фатих, я знаю.

Лучше бы он молчал, лучше бы не открывал свой рот, потому что Айна ещё со взглядом не справилась, а тут голос. Таким голосом и должны раздаваться приказы, вершиться судьбы, таким голосом и ставят на колени. Вот только с каких пор Айна жертва или та, кем этот Демон помыкает? Так не было и не будет. И пусть этот голос в ушах долго звенеть будет, она справится.

– Как я могу не знать свою главную фанатку? – приподнимает бровь Бальтазар, а Айна от табуна мурашек, по спине пробежавших, чуть не подскакивает.

– Ну, это вы себе льстите, – кажется, волна оцепенения прошла. – Я делаю свою работу, а вы, скорее, в моей работе цель, но точно не кумир.

– Сколько тебе лет? – Демон подается вперёд и внимательно всматривается в глаза. Айна инстинктивно подается назад и шумно сглатывает.

– Вопросы тут должна задавать я, – не выдаёт дрожь в голосе девушка и начинает рассматривать охранников позади Бальтазара, лишь бы не попасть снова под власть этих чёрных глаз.

– Я думал, что встречу достаточно взрослого корреспондента с увесистым портфелем, а оказалось...

– Простите, что разочаровала, – злится Айна и включает диктофоны.

– Перебивать некрасиво, – хмурится Бало и взглядом указывает Калуму на диктофоны. Крупный бритоголовый мужчина тянется к ним и, несмотря на попытки Аины их не отдавать, забирает оба, и, бросив на пол, наступает на них ботинком.

– Какого чёрта? – подскакивает на ноги Айна, но тяжелая рука на ее левом плече заставляет снова усесться на стул.

Калум тем временем достаёт из портмоне пару сотен долларов и кладет перед девушкой. Бало всё это время, откинувшись на кресле, следит за ней.

– Я приехала на интервью! Вы не имеете права! Это частная собственность! – продолжает возмущаться Айна и зло смотрит на ухмыляющегося мужчину.

– Калум немного неуклюж, сами понимаете, с такими габаритами, – смеётся Бало. – Но он возместил ущерб.

- Как я должна буду записать наш разговор? – не сдаётся Айна.
- Ты его запомнишь, – улыбка с лица Бальтазара стирается за мгновение, а мрак в глазах всё гуще, уже по комнате расползается. – Каждое слово.
- Мне не надо было приходиться, – дрожащим от злости и нервов голосом говорит Айна.
- Напротив, я очень рад, что ты пришла, и давай забудем этот инцидент с диктофонами и отбросим формальности. Ты под меня копаешь – мне это не нравится.
- Ты убил сенатора Джо, и мне это не нравится, – парирует Айна.
- Это обвинение. Я могу подать на тебя в суд.
- Ты же сказал, отбросим формальности, так что поговорим на чистоту, – не сдаётся Айна.
- Ты ищешь доказательства моим преступлениям, но проблема в том, что не может быть доказательств тому, чего не было. Я чист перед законом.
- И уток в Центральном Парке кормишь? – не сдерживается Айна, и Бало громко смеётся.
- У тебя шустрый язычок, не боишься без него остаться?
- Это угроза, я могу написать заявление в полицию.
- 1:1.
- Я не играть пришла.
- Жизнь и есть игра. На выживание. Старайся выигрывать, мир многое потеряет, если такое чудо, как ты, проиграет.
- Опять угроза?
- Слушай и запоминай, повторять я не буду, – чётко выговаривает каждое слово Бальтазар. – Хочешь сделать сенсационные новости и стать звездой журналистики? Я тебе помогу. Я тебя приглашаю на свадьбу моей сестры, там будет очень много интересных тебе людей, уверен, ты это и так знаешь. Приходи, собери себе материалов. Ты будешь единственной, у кого будет инфо со свадьбы, тебя купят все главные издания страны.
- Но тебя не трогать? – кривит рот в улыбке Айна.
- Умница. И не потому, что ты можешь мне навредить, нет, – скалится Бало. – А потому, что я очень не хочу, чтобы эта чудесная головка пострадала. И да, это угроза.
- Дёшево ты меня покупаешь, – фыркает Айна.
- Я бесплатно могу тебя взять, но я джентльмен.
- За приглашение спасибо, я приду, – притворяется, что не расслышала намёка Айна. – Вот только меня твои угрозы не остановят. Ты же такой самоуверенный и, как говоришь, чистый, значит, тебе нечего бояться. Я буду продолжать копать и делать свою работу, а ты, если и вправду чист перед законом, таким и останешься.
- Ты меня не поняла, – мрачнеет Бальтазар, у которого уже заканчивается терпение. – Сегодняшняя твоя статья с моей фамилией была последней до свадьбы.
- Иначе? – вскидывает голову Айна и смотрит Демону в глаза.
- Иначе я буду очень расстроен.
- Меня не интересует твоё настроение, и я ухожу, – Айна поднимается на ноги и, убедившись, что телохранители ее усадить не пытаются, поправляет полы пиджака.
- У тебя ужасные манеры, – Бало тоже поднимается на ноги и обходит стол. – Тебе бы рот мылом сполоснуть и манерам научить, раз уж те, кто должен был, не справились.
- Бальтазар наступает, а Айна, плюнув на рюкзак, оставшийся на полу, пятится в сторону. Пока он сидел, оказывается, было не так страшно. Дон намного выше девушки, двигается, как хищник, загоняет добычу в угол, нависает сверху.
- Ты запомнила каждое слово?
- Айна упирается в соседний столик задом и, не отрываясь, смотрит на мужчину.
- Пересказать? – цепляется за последние крупы смелости девушка.

– Себе, каждое утро и вечером перед сном, чтобы глупостей не делала, – чеканит каждое слово Балло. – Ты на Манхэттене живёшь? – Айна молча кивает. – Держи окна закрытыми, чтобы совы не залетали. Эти птицы ужасны. Проводите девушку, – обращается к охранникам.

– Я на такси поеду, – пытается встрять Айна, но ее игнорируют.

– До дома.

– Собери мне на нее информацию, – поворачивается Балло к Калуму, стоит Аине в сопровождении человека «семьи» покинуть ресторан. – Хочу знать всё: откуда, какая семья, что ест, что пьёт, друзья, родственники. Одним словом, всё. У Гаспара тоже должны быть файлы, попроси его тебе их передать. Давно я не встречал такого интересного экземпляра.

– Но ведь ее работу контролирует Гаспар...

– Теперь будешь контролировать ты, – отрезает Бальтазар. – И у меня аппетит разыгрался, позовите повара.

– Я не мог ждать до утра, не выдержал бы, – Майкл нервно ходит по маленькой гостиной Аины.

– Даже рискнул так, приехал к своей любовнице, – устало говорит девушка, которую один разговор с Доном вымотал, все соки выжал.

– Не язви, не время.

– Ну, я тебе всё рассказала, больше ничего интересного, – разводит руками Айна. – Он думает, он меня напугал или впечатлил, что я, может, струшу и на свадьбу не пойду! Я пойду, и кучу всего напишу, и ему ещё докажу, что бороться с журналистским расследованием – гиблое дело. И вообще, мне кажется, он что-то колет или курит, он какой-то странный, может, под чем-то.

– Ну, он славится своим гипнотизирующим взглядом, – хмурится Майкл. – Судя по твоему пересказу, больше ничего странного.

– Он меня от сов уберечь пытался, – смеётся Айна. – Просил окна закрывать, мол, чтобы не залетели. Психопат.

– Совы? – замирает на месте Амато, а потом, задумавшись, подходит к девушке и, опустившись на диван, просит повторить фразу Бальтазара про птиц.

– Черт, – снова подскакивает на ноги мужчина. – В Древнем Риме сова, кружащая над домом, считалась предвестником смерти. Он тебе предупреждение сделал, смертью пригрозил, при этом открыто не угрожая, – горько усмехается Майкл и смотрит на замершую девушку. – Всё, ты останавливаешь своё расследование семьи Росси. Ещё один шаг, и мне тебя не спасти.

– И ты позволишь Демону выйти сухим из воды? – грустно спрашивает Айна и, подойдя к нему, опирается лбом о его грудь.

– Лучше так, чем я позволю тебе умереть, – Майкл целует ее в макушку и крепко обнимает.

Айна прикрывает веки, оказавшись в родных и тёплых объятиях, но сразу же их открывает. Больше ей сегодня, кажется, глаз не сомкнуть. Демон под веками выбит, смотрит в душу, ухмыляется, угрожает её голыми руками вынуть.

Уже вынимает.

===== See madness in my eyes =====

– Я не сомневался, что ты умный парень и что правильно расставишь приоритеты, – Лучано утирает салфеткой блестящие от жира губы и вновь наматывает пасту на вилку.

Лучано Капо – официальный представитель семьи Капо в США, принимает Дона семьи Росси в принадлежащем ему ресторане на Первой авеню. Балло, который сейчас сидит напротив

Лучано и брезгливо смотрит на то, как жадно тот ужинает, приехал на встречу с братом и парой своих человек. За одним из столов сидят также трое фавориток Капо, другими словами, его любимые шлюхи. Гаспар ходит по залу ресторана, осматривает вычурный дизайн и недовольно фыркает на многочисленную охрану жирного итальянца.

– Мой Дон будет доволен твоим предложением, – Лучано опустошает жадными глотками бокал вина и ждёт, когда официант вновь его наполнит.

– А тебя будет ждать повышение, – усмехается Бало. – Ведь у вас гонца, приносящего хорошую весть, сажают справа от себя.

– Есть такое, – с довольным видом говорит Капо, предвкушая «овации», с которыми его встретит кузен и Дон. – Риччи может выкусить, это кресло навеки моё.

– Риччи Боско? – безразличным голосом, рассматривая свои ногти, переспрашивает Бало.

– Ага. Этот сукин сын думал, что он может меня переплюнуть, блеснёт перед кузеном и получит трон. Только облом. Капо ждут твоё предложение два года, и вот оно, благодаря моей правильной политике ты его сделал, – усмехается Капо и поворачивается к препирающемуся с его охранником Гаспару.

– Я всё понимаю, – гладит жирный подбородок Капо и понижает тон голоса. – Но почему ты везде ходишь с этим клоуном? – кивает он на Гаспара. – Он, как камень, привязанный к твоим ногам, тянет тебя на дно. Ты ведь понимаешь, о чём я.

– Этот клоун, – нарочно громко говорит Бальтазар, привлекая внимание Гаспара. – Убьёт вас всех.

Гаспар толкает охранника в грудь и с дьявольским оскалом на губах медленно подходит к столу, где сидят «короли» города.

Капо сперва улыбается словам Бальтазара, а потом переходит на громкий смех. Вся его банда присоединяется к нему, и Бало терпеливо ждёт, когда они умолкнут.

– Не принимай близко к сердцу, – утирает выступившие от смеха слёзы Лучано. – Не будем омрачать этот вечер ничем.

– Его и не омрачить, – усмехается Бальтазар и поднимается на ноги. – Вечер прекрасен, ведь я получил то, за чем приезжал, – он подмигивает собеседнику и медленными шагами идёт на выход.

Капо провожает мужчину хмурым взглядом, а потом поднимает глаза на так и стоящего напротив стола Гаспара.

– Слышь, жирдяй, – улыбается ему Гаспар. – Ты клоунов в детстве не боялся?

– Что ты несёшь, умалишённый? – кривит рот Капо и приказывает охране вывести старшего Росси.

– Закройте двери, – улыбка медленно сползает с губ Гаспара, и Капо отчётливо видит заворачивающуюся в спирали темноту на дне чужих глаз. – Сегодня отсюда никто не выйдет, – Гаспар, не оборачиваясь, выстреливает в метнувшуюся к двери одну из девушек, и та тяжелым грузом падает на пол. – Я ведь сказал «никто».

Бальтазар выходит из здания, достаёт из кармана пачку сигарет, закуривает и медленно подходит к роллсу, прислонившись к которому стоит Калум. Он делает вторую затяжку, оборачивается к окнам на третьем этаже, где на стёклах отражаются вспышки от выстрелов, и медленно выдыхает дым.

– Вы довольны ужином, господин Росси? – учтиво интересуется Калум.

– Очень доволен, – наслаждается ночью Бало. – Но буду ещё довольнее, если ты завтра наведаешься к Риччи Боско и передашь ему мои самые искренние пожелания.

– Значит, вторым претендентом был Боско?

– Да. Этот мешок дерьма думал, я пойду на попятную и отдам им свои территории, а мне просто нужно было узнать имя второго. Этого убрал Гаспар, Боско уберёшь ты, а потом мы все погуляем на свадьбе.

Бало отбрасывает окурок на асфальт и смотрит на идущего к нему, заляпанного чужой кровью брата. В каждой руке Гаспара по пушке, он, дирижируя ими, напевает свою любимую «Весна» из «Вре́мён года» Вивальди и останавливается напротив мужчин. Остальные люди «семьи» Росси двигаются к своим машинам и ждут приказа «отъезжать».

– Мне выезжать за Боско? – спрашивает Гаспар и просит сигарету.

– Им Калум займётся.

Гаспар хмурится, пару секунд молча курит, а потом вновь поворачивается к брату:

– Калум и делом этой журналистки теперь занимается?

– Верно.

– Ладно, я поехал к родителям, отец хотел, чтобы я помог ему кое с чем, – Гаспар идёт к матовому серому ламборгини на обочине, а Бало садится в роллс.

– Иди за мной и молчи! – шипит на Дэвона Айна, и следует им оказаться в курилке на последнем этаже, сразу закрывает дверь на ключ и достаёт сигареты.

– Молчать? – кричит на нее старший. – Ты психопатка! Ты! Да ты... – нервно ходит по маленькому помещению Ким, не в силах подобрать слова.

– Да успокойся ты, всё же нормально, – давит смешок Айна и прикуривает любимые ментоловые Мальборо.

Майкл будет ругаться вечером, если почувствует запах, но сейчас плевать. Айна бросила курить полгода назад, и вот уже неделя, как курит снова. Она валит тягу к никотину на стрессы на работе, а вовсе не на то, что вот уже как пару дней в ее жизнь вошёл тот, одно воспоминание о котором заставляет хотеть затянуться.

– Как ты могла скрыть такое? – негодует Дэвон. – Как ты вообще могла пойти на такой риск?

– Так и знала, что не стоило тебе говорить, – вздыхает девушка. – Он разрешил мне осветить свадьбу при условии, что я перестану писать про него. Представляешь?

– Мне надо прийти в себя, – Дэвон опускается на скамью, прибитую к стене, так и держит меж пальцев не зажженную сигарету. – Я не буду стучать, но если мегера узнает, то я притворюсь, что ничего не знал. Отвечать будешь ты сама. Потому что я изначально был против всего этого, а ты не слушалась.

– Ты хороший друг, – тепло улыбается ему Айна.

– Что ты будешь делать? Ты ведь не бросишь писать про него?

– Нет.

– Идиотка.

– Я до свадьбы нарочно буду молчать, чтобы он не передумал. После свадьбы я взорву ту бомбу, над которой работаю уже шесть месяцев.

– Айна...

– Я даже любимому солгала, что не буду, но думаю, после того, как моё расследование взорвёт страну, он меня простит. Но до этого много времени, – подсказывает на ноги девушка. – Поэтому проехали. Сходим на матч в конце недели?

– Сходим, куда только пожелаешь, – грустно усмехается Дэвон. – Чёрт знает, сколько тебе ещё осталось.

Крис «девушка-улыбака». Во всяком случае, именно так зовут ее мама, друзья и даже те, с кем она, возможно, пересекалась только один раз в жизни. Крис это не контролирует, нарочно улыбку не цепляет, она просто родилась той, кто, несмотря на определённые сложно-

сти в жизни и проблемы, не теряет оптимизма сама и, более того, неосознанно дарит тепло людям, пусть и одной своей улыбкой. Сколько она себя помнит, то где бы она ни появлялась и с кем бы ни общалась – к ней тянутся, ее любят. Крис считает это своим лучшим качеством и меняться не собирается.

Она две недели в прошлом году работала в особняке Росси вместо матери, и вроде, этим людям давно пора забыть мелкую девчонку, вечно путающуюся под ногами, но весь персонал ее помнит. Ее в особняке в первый день вынужденной замены встретили тепло и с улыбками, повар сразу взял на заметку ее любимую лапшу с черными бобами, а миссис Хьюстон, следящая за чистотой в доме, пообещала угостить ее своими фирменными пончиками. Крис упирается, долго объясняет, что она занимается балетом и, кроме салатов, почти ничего не ест, но ее не слушают.

В результате Крис с трудом поднимается из-за обеденного стола и, воспользовавшись тем, что госпожа уехала за покупками, а, следовательно, прислуживать ей некому, идет в сад погулять и немного ускорить процесс переваривания пищи. Клаудия вечером принимает своих многочисленных подружек, поэтому весь персонал занят в саду, который женщина распорядилась подготовить и накрыть в одной из беседок стол.

Крис проходит к ребятам, расставляющим кресла и столы, и предлагает помочь. Ее пытаются убедить, что в ее обязанности это не входит, но Крис непреклонна, и поэтому ее посылают на кухню за скатертями и свечами. Она влетает на кухню через заднюю дверь и сразу же замирает прямо на пороге.

По ту сторону от занявшего центр комнаты стола, прислонившись к холодильнику, стоит мужчина и жадными глотками пьет воду прямо из графина. Пил. Потому что стоит Крис войти на кухню, как графин больше к губам не подносится.

Незнакомец, которому на вид лет под тридцать, не сводя глаз, открыто рассматривает девушку. Крис от этого взгляда ёжится, забывает, зачем пришла, и даже делает маленький шаг назад, будто бы готовится позорно сбежать.

Гаспар приехал к отцу поздно ночью и, передумав ехать обратно, решил переночевать в особняке. Выпитый до визита в особняк алкоголь с утра привёл к страшному сушняку, так что после душа он сразу спустился за водой, но нашёл кое-что, жажду от чего ни один источник в мире не утолит.

Перед ним стоит ангел. Хотя какой это ангел с такими блядскими губами, которые Гаспар уже видит на своём члене. От промелькнувшей молнией картины в голове член в штанах дёргается. Гаспар спокойно, будто бы это не он стоит полуголым перед впервые увиденной девушкой, опускает руку вниз и сквозь грубую ткань поглаживает свой уже ощутимый стояк. Он облизывается, проводит языком по зубам, даже клацает ими. Прекрасно видит, как смущает девчонку, ухмыляется, убирает руку.

Крис бы давно пора увести взгляд, перестать тарашиться, но не получается. Мужчина перед ней в одних серых спортивных штанах, как они держатся на его бёдрах – Крис знает не хочет, но сперва она долго смотрит на забитые руки, рассматривает каждую надутую вену, на кубики на животе и полоску тёмных волос, спускающуюся от пупка и скрывающуюся за резинкой штанов. А потом давится возмущением, когда незнакомец в открытую поглаживает свой член, при этом плотоядно скалясь и раздевая ее взглядом. Но Крис глаз от пальцев на паху всё равно убрать не в силах, она, как загипнотизированная, следит за чужой рукой и думает, неплохо бы выпить воды, желательно, тоже весь графин. Мужчина будто греческий бог, а Крис, как и большинство людей во вселенной, очень любит всё красивое, пусть и несёт от этой красоты такой острой опасностью, что впору бы в воздухе раствориться. Крис кусает внутреннюю сторону щеки, чтобы привести себя в чувства, и прокашливается.

– Господин Гаспар, вам накрыть в гостиной или на террасе? – спрашивает вошедшая на кухню миссис Хьюстон.

– Не надо накрывать, – Гаспар говорит с женщиной, а взгляда с Крис не уводит. – Я наелся, – странная улыбка расплывается на его лице, но у Крис в голове такой коллапс, что она её значение понять не в силах.

Она вообще сейчас ничего понять не в состоянии. Живот сладко скручивает от этого взгляда, она пытается вспомнить лицо Тимоти, парня, который ей так сильно нравится последние два года, убеждает себя, что эти спазмы внутри вовсе не приятные и уж точно не потому, что ее сейчас рассматривают, как загнанную в западню жертву, а у хищника со рта слюна капает, клыки виднеются.

Крис в джинсах и в футболке, но такое ощущение, что абсолютно голая, и этот мужчина со сгущающимся мраком в глазах сейчас тщательно рассматривает каждый сантиметр ее обнажённого тела. Женщина покидает кухню, а Крис, поборов первичный шок, обходит стол и садится на пол перед шкафом, где должны быть сложенные скатерти и свечи. Гаспар отталкивается от холодильника и медленными шагами подходит к ней. Крис усиленно старается игнорировать нависшего сверху мужчину, копается в шкафу, но правая часть лица горит, только доказывая, что тот продолжает сканировать ее голодным взглядом.

Крис собирает на полу рядом с босыми ступнями странно-притягательного незнакомца коробочки со свечками, чтобы добраться до скатертей. Достав то, что ей нужно, она обратно собирает в шкаф всё лишнее, что оттуда вытащила. Когда Крис тянется к последней плоской коробочке, то Гаспар ставит на неё ногу, не позволяет поднять с пола.

– Простите, – бурчит Крис, не поднимая голову, и пытается выдернуть коробочку из-под чужой ноги.

– Прощаю.

Крис наглость мужчины начинает злить, она поднимает к нему лицо и, вцепившись обеими руками в коробку, продолжает пытаться её выдернуть.

Гаспар видит, как шевелятся губы блондинки в проклятиях, как ее взгляд мечет молнии, и пальчики, так отчаянно пытающиеся вытащить коробку, но не реагирует. Всё, что Гаспару интересно – это губы, это глаза, смотрящие снизу вверх, это огромное желание, собирающееся в ком внизу живота, от которого плаваются кости.

– Кто-то обязательно должен был испортить идеальный день, – раздражённо шипит Крис и собирает в стопку скатерти, плюнув на коробку под чужими ногами.

– Идеально – это твои губы на моём члене, – медленно тянет незнакомец, толкается языком за щекой и грязно усмехается растерянной реакции девушки.

– Простите? – зло переспрашивает Крис, ногтями в свою ладонь впивается, лишь бы не поддаваться больше странному гипнозу и достойно выйти из этой ужасной игры.

– А ты не расслышала? – приподняв бровь, спрашивает Гаспар и становится ближе.

– Да ты псих! – подсказывает на ноги Крис и только делает шаг в сторону заднего выхода, как Гаспар ловит ее за запястье и вжимает в шкафы.

– Во-первых, «вы». Во-вторых, я не сказал ничего неправильного. Твои губы идеальны, так же, как и мой член, – он вжимается в девушку, трётся об нее, заставляя Крис почувствовать стояк, упирающийся в ее живот. Будто этого всего было мало, Гаспар хватается правой рукой девушки, кладёт на свой пах и медленно водит по нему. С силой разжимает собравшуюся в кулак ладошку и повторяет.

– Знал бы, что в этом доме обитает такая крошка, то давно бы сюда переехал, – проводит языком по ее левому уху, ловит им мочку, всасывает и сразу чувствует удар в живот, но не реагирует. Гаспар сильнее впечатывает девушку в шкаф, а Крис думает, было бы неплохо, если бы верхний сорвался и похоронил ее под собой. Потому что чувствовать себя зажатым в руках того, кого видишь первый раз, без возможности вырваться – омерзительно. Она даже толком не целовалась ни с кем, а тут ее одним взглядом трахнули и, кажется, ещё пара минут, трахнут не только глазами.

– С меня хватит, – рычит Крис и, собрав все силы, толкает мужчину в грудь.

Гаспар отступает. Нехотя делает шаг назад, борется с собственным возбуждением, но мысленно отдаёт должное девушке – не повелась. Ни на имя, ни на напор. И пусть в своей голове Гаспар поливает ее тело любимым шотландским виски и слизывает каждую каплю, параллельно глубже насаживая на свой член, с виду он невозмутим. Значит, позже. Значит, второй подход. Хоть сотый, но Гаспар кончит ей в рот, на эти губы, заставит слизать, повторит. Он умеет ждать. Надо обхаживать добычу? Он это сделает. Потому что хочется слишком сильно, никогда так не скручивало, никогда ещё воздух настолько остро сексом не пах, и это даже не воздух. Это девчонка с солнцем в волосах так пахнет.

– Как тебя зовут-то?

– Не твоё дело.

– Дурацкое имя, – цокает языком Гаспар. – Я буду называть тебя крохой.

Крис не слушает, второпях собирает в охапку скатерти и свечи и выбегает из комнаты. Гаспар провожает ее долгим взглядом, и пусть дверь за Крис давно захлопнулась, он с места не двигается.

Крис всё не может сосредоточиться на работе, расставляет приборы, помогает с цветами, а мысли там, на кухне. Она так радовалась, что может помочь маме и что, пока она принимает лечение, заменяет её. А теперь на часы смотрит и боится уже завтра на работу возвращаться.

Судьба сегодня явно не на ее стороне, потому что инцидента на кухне, видать, было мало, и тот же самый мужчина выходит в сад. В этот раз он одет в чёрные джинсы и кожанку, в руках чашка кофе. Он подходит к столу, где работает Крис, выдвигает кресло и вальяжно разваливается в нём. Гаспар вертит меж пальцев солнцезащитные очки, наблюдает за работой девушки и не даёт ей сконцентрироваться. Быстро закончив со столом, Крис срывается к следующему – Гаспар меняет дислокацию. Теперь он сидит за тем и нагло разглядывает обтянутую джинсами чужую задницу.

Крис стыдно перед персоналом, который прекрасно видит, как их хозяин «играет в кошки-мышки» с новой работницей, но внешне она так же невозмутимо сервирует стол, а потом бежит к садовнику, которому обещала помочь полить деревья, и пропадает там на полчаса.

Крис, наконец-то, свободно выдыхает, поняв, что «психопат» за ней не пошёл и, закончив с деревьями, идёт чистить кусты перед парадным входом. Во дворе, к счастью Крис, никого нет. Она с восхищением рассматривает припаркованные под навесом три автомобиля и даже улыбается своему отражению в окне серого, матового ламборгини. Зря.

Гаспар сидит за рулём тонированной итальянки и пристально рассматривает девушку. Между ними стекло, чужая гордость, социальный статус. Да хоть непроходимый океан, Гаспар в его воду превратится, сольётся, но на том берегу окажется. Потому что тянет невыносимо, и даже быстрая дрочка в душе не помогла. Кажется, Гаспар отныне в каждой и каждом под собой этого ангела видеть будет. Эта девушка точно не человек. Потому что люди так не улыбаются, люди так не выглядят и, уж тем более, такое жгучее желание не вызывают.

Гаспар из другого мира – у него дома из-под крана кровь идёт, на завтрак белый порошок, на ужин – чужие стоны, и не всегда от удовольствия, а завтра... Завтра не всегда и наступить может. Гаспар любит чёрный, их фамильный герб чёрным на его спине выбит, но его сейчас ломает, и ломает от белого. Гаспар и ее чёрным покроет, вплетёт в эти отдающие золотом волосы терновый венок, окрасит лоб в красный, но сотрёт белое, не оставит. Своим сделает. Ведь ангел Дьяволу принадлежать не может.

Возбуждение накатывает по новой, в салоне автомобиля невыносимо душно, но открыть окно – выдать себя и потерять возможность наблюдать за тем, кто покое сердце алой кровью страсти заполняет. Гаспа терпит. До скрипа белой эмали зубы сжимает, обещает своих демонов

плотью ангела покормить, молит их удержаться, немного ему фору дать. А ладони чешутся так, что хочется их в кровь разодрать: то ли выйти из автомобиля и разложить блондинку прямо на капоте, то ли нажать по газам и свалить отсюда.

Любого другого Гаспар и спрашивать бы не стал, но эта... От нее сладкая истома сводит конечности, он вспотевшими руками поглаживает дорогую кожу руля, представляет другую, белую, по ощущениям как шёлк. Эти губы ему сниться будут, и чем раньше он их попробует, тем лучше. Потому что одержимость в этот раз другая. Одержимость человеком впервые. Гаспар расшибётся, но заставит ее потушить собой плавающий внутренности пожар. А пока надо ехать к Бало. Отныне Гаспар временно переезжает в особняк родителей. Далеко от этой крошки, пока своего не получит, он не уйдёт.

Игра началась.

===== You got that medicine I need =====

Маме Крис про столкновение с Гаспаром Росси ничего не рассказывает. Заставлять Лею переживать – последнее, чего хочется девушке. Поэтому утром, как и всегда оставив поцелуй на щеке отдыхающей женщины, она как ни в чём не бывало уходит на вынужденную работу. Крис надеется, что произошедшее вчера не повторится, и больше сына своих хозяев она за оставшиеся дни не увидит. Про то, что навязчивый незнакомец – старший сын семьи и его зовут Гаспар, Крис узнаёт от племянника садовника. Также она узнаёт, что Гаспар имеет судимость, проходил одновременно по нескольким обвинениям, даже по убийству. Он своенравный, жестокий, а самое главное, любящий получать своё человек. Всю эту информацию Крис черпает уже из интернета, закрывшись глубокой ночью в своей спальне.

Весь следующий день Крис бегает по поручениям Клаудии и, только наполнив для неё ванну перед сном, желает спокойной ночи и спускается вниз, чтобы уйти наконец-то домой. Но не тут-то было. Миссис Хьюстон вызывает девушку и просит отнести поднос с ужином молодому господину в спальню. Крис долго мнётся, просит её выбрать другого, чтобы подняться наверх, но женщина обрубает все надежды одним:

– Он потребовал именно тебя.

«Ну и ладно, – думает про себя девушка. – Будет руки распускать, швырну в него подносом. Я не тряпка».

Так она и идёт к лестницам, занимаясь самоубеждением и стараясь не уронить поднос. Не успевает Крис постучать в дверь, как слышит приглушённое «войдите» и, глубоко вдохнув, следует приказу.

Крис проходит в огромную, размером, как четыре ее спальни, комнату и аккуратно кладёт поднос на тумбочку у кровати. Не смотрит по сторонам, не обращает внимания на сидящего у изножья кровати мужчину.

– Что-нибудь ещё желаете? – еле слышно спрашивает Крис, а сама пятится к двери.

– Желая, – слышит Крис до того, как Гаспар в мгновение ока оказывается напротив и с громким стуком захлопывает за ней дверь, отрезая все пути к бегству.

«Не спрашивай, не спрашивай, не спрашивай», – уговаривает себя девушка и всё-таки выполняет свою работу:

– Что же вы желаете?

– Тебя.

Крис остаётся только горько улыбнуться.

– Да расслабься, – Гаспар оставляет ее у двери и проходит обратно к кровати. – Значит, ты дочь Лей?

Крис кивает.

– И зовут тебя Кристина?

Кивок.

– И ты онемела?

Крис кивает раньше, чем понимает вопрос, и вызывает громкий смех у Гаспара.

– Не надо меня бояться, – вдруг серьёзно говорит Гаспар и хлопает по покрывалу рядом, приглашая присесть. – Я не кусаюсь. Вру, кусаюсь, но не при таких обстоятельствах, – улыбается он.

Крис не верит ни единому слову и с места не двигается.

– Расскажи мне о себе. Я просто хочу получше тебя узнать.

– Ваши мысли, господин Росси, стали мне ясны ещё вчера, – борясь с дрожащим голосом, начинает девушка, а Гаспар терпеливо слушает. – Я не хочу, чтобы были недоразумения. Моей маме дорога эта работа, а недоразумения могут привести к тому, что она её потеряет. Прошу вас оставить меня в покое. Дружить у нас всё равно не получится.

– Согласен, – цокает языком Гаспар. – Я показал себя не в лучшем свете вчера. Но мои намерения чисты.

Гаспар с трудом сдерживает чуть ли не вырвавшийся смешок, пытаясь понять, в каком именно месте его намерения чисты, если всё, о чём он думает уже сутки – это закинуть ноги этой блондинки на свои плечи и засадить до упора.

Даже в этом чёрном и скромном наряде для прислуги Крис выглядит, как самая соблазнительная блядь, и возбуждает так, что плевать, что она его даже, может, не хочет. Гаспар хочет. Хочет ее до ломоты в суставах, до мучительной жажды, заставляющей трещинами засухи изнутри покрываться, до расширенных зрачков и дрожащих пальцев, мечтающих снова к этой коже прикоснуться. Его от одного вида Крис кроет: от этого голоса, заставляющего каждый волосок дыбом встать, от бегающего взгляда, задержишь он на нём на секунду дольше, и Гаспара это желание изнутри подорвёт. Но надо осторожничать, надо сдерживаться, надо мелкими шажками, тихой поступью подбираться.

– Я и вправду хочу подружиться. Не запирайся, не гони меня, – заманивает в ловушку, попутно капканы расставляет.

– Вы не поняли, господин Росси, – храбрится Крис и смотрит прямо в глаза. – То, о чём вы говорите, мне неинтересно.

– А о чём я говорю? – Гаспар поднимается на ноги, Крис лопатками в дверь вжимается.

– О том... – заикается девушка и следит за тем, как медленно к ней подбирается мужчина. – О том, что вы хотите того, чего я вам не дам. Я не хочу.

– Я хочу узнать тебя получше, – спокойно выговаривает слова Гаспар и останавливается в шаге. – Ничего большего. Пока.

– Можно я пойду? – с отчаянием в голосе просит Крис, и Гаспар нехотя кивает.

– Подумай о моих словах, – слышит она в спину и закрывает за собой дверь.

Следующим утром Крис в особняке не появляется. Гаспар пару раз звонит охране дома и, узнав, что девушка так и не пришла, озлобленный набирает мать. Женщина долго смеётся в трубку, а потом говорит, что дала ей отгул нарочно. «Ты теперь и до прислуги добрался. Не позволю», – пытается вразумить сына женщина.

«Чтобы это было в последний раз», – угрожает матери старший Росси и вешает трубку.

Крис была сильно удивлена, что миссис Росси так легко дала согласие на ее просьбу не прийти, и радость от выпавшего отгула затмила остальные вопросы. Матери девушка ничего не сказала и, вместо работы, уехала в балетную школу, занятия в которой начнутся только через неделю, но зато можно потанцевать для себя.

Танцы – одержимость Крис. Плохо ли ей или хорошо, танец – единственная возможность освободить душу от эмоций, на час уйти от реальности, сбежать от проблем. Поэтому Крис

и танцует, долго, до стёртых ног, до изнеможения кружится перед огромным зеркалом и абсолютно выдохшейся идёт в душ.

Когда Крис выходит на улицу, то уже сумерки. Она, перекинув через плечо рюкзак, быстрыми шагами двигается к остановке, так и не обратив внимание на сильно выделяющийся на фоне скудного пейзажа этого района чёрный матовый Range Rover, припаркованный на обочине.

За рулём автомобиля сидит тот, от кого Крис безуспешно пытается убежать.

Гаспар долго смотрит на вывеску школы, довольно улыбается про себя и заводит мотор, следуя за отправившимся в пригород автобусом. Если крошка не хочет рассказывать о себе, Гаспар узнает всё сам.

Только после того, как Крис скрывается за дверью небольшого и достаточно обшарпанного домика, Range Rover покидает бедный район Квинса и скрывается уже в ночи.

Как бы эгоистично это ни звучало, но Крис счастлива слышать, что в день свадьбы Лея прервёт лечение и выйдет на дежурство сама. На радостях она готовит себе с мамой вкусный ужин, а потом они вместе смотрят новую комедию, и Крис, даже плюнув на пожизненную диету, съедает с мамой ведёрко мороженого.

– Ты прям ненасытная, – смеётся Майкл очередной попытке Айны взобраться на него.

Айна сегодня ночует у своего парня, и после вкусного ужина, заказанного в любимом китайском ресторане Майкла, они распили бутылку вина и плавно перенеслись в спальню, где только что закончили заниматься бурным сексом.

Но Айне, видать, было мало, и вот она снова пытается взобраться на Майкла, который щекочет бока чувствительной девушки, и та, в результате сдавшись и продолжая хохотать, падает на его грудь.

– Ты вредный, – сквозь смех говорит Айна и оставляет лёгкий поцелуй на левой груди мужчины.

– А ты ненасытная, – гладит ее волосы Амато. – Сделаем передышку и обязательно повторим. Нам некуда торопиться.

– Майк, – лениво тянет Айна и приподнимается на локтях, чтобы видеть лицо любимого. – Что для тебя счастье?

– Что за странный вопрос? – хмурится мужчина и не перестаёт играть с иссиня-чёрными прядками.

– Просто я хочу знать, – тихо говорит Айна. – Завтра выходит замуж принцесса Росси, и вся страна думает, что она счастлива. Девочка, которая родилась в богатой семье, училась в самой престижной школе, объездила полмира и одевалась у лучших дизайнеров, теперь выходит замуж за принца, пусть принцу слегка и под сорок. Главное, у него есть самый настоящий дворец и казна, которая обеспечит ещё десять поколений. Красивая сказка. Все журналы пестрят их фотографиями, а все люди только и делают, что говорят о предстоящей свадьбе. Я это к тому, что спроси любого у нас в городе, и он скажет, счастье – это быть Марией Росси. Но я-то знаю, что там и речи нет о счастье, что она встречалась с безработным сейчас художником, сбегала к нему в каморку вместо уроков. Я, когда за её братьями следила, то сперва с неё и начинала. Так вот, что для тебя счастье?

– Во-первых, ты, моя девочка, одержима Росси, – усмехается Майкл. – Ну, а во-вторых, счастье сложно охарактеризовать одним словом, – задумывается он. – Я думаю, счастье у каждого разное, и мне для него, как бы пафосно это ни звучало, нужна ты, моя карьера, как капитана полиции, и побольше свободного времени. А у тебя оно какое?

– У меня... – осекается Айна. – Я всегда думала, что счастье должно уместиться в одно слово, но это, наверное, глупо. Так что моё счастье, как и у тебя: ты, Пулитцеровская премия и... – задумывается девушка.

– Только не говори, что конец эры Росси, – смеётся Майкл.

– Я же не глупая, – заливается смехом Айна. – Я хотела сказать побольше яблочного пирога с мороженым.

– Ну всё, моя любимая сладкоежка. Отдых закончен, – Майкл резко переворачивается и берёт инициативу в свои руки.

Айна приезжает в отель Hilton, на террасе которого и состоится бракосочетание, ровно в шесть часов. Она нарочно собирается на свадьбу заранее, чтобы не опоздать и не упустить никого из важных гостей. Айна ещё вчера прогулялся по модным бутикам Пятого авеню и в итоге купил себе черное струящееся платье на тонких бретелях от своего любимого дизайнера.

Презентабельный внешний вид располагает собеседника к себе и в разы увеличивает шансы положительного ответа в запросе на интервью. Айна прекрасно это поняла за годы работы в СМИ и поэтому на внешнем виде никогда не экономит. Она легонько подкрашивает свои лисьи глаза и, уложив волосы крупными локонами на кончиках, вызывает такси.

Айну, как и всех гостей, обыскивают при входе и только потом пропускают внутрь. Девушка довольна, что Бальтазар слово сдержал и диктофоны пропустили, правда, фотоаппарат отобрали. Айна, в принципе, была к этому готов, поэтому сильно и не расстраивается.

«Слишком пафосно, вычурно, броско», – фыркает про себя Айна и, взлохматив пальцами отросшие до плеч и свежеевыкрашенные в чёрный волосы, проходит к своему столу. Сперва надо оценить обстановку, присмотреться к гостям, найти жертв, а потом нападать.

Айна мысленно потирает ручки, оглядев столы, планирует в голове, к кому подойдёт первым, и в ожидании жениха с невестой решает прогуляться на лужайку, где поставлена увешанная ниспадающими цветами ротонда для бракосочетания. Ей сегодня несказанно везёт, потому что там она застаёт общающегося с молоденькой девчонкой лет двадцати скандально известного сенатора. Сенатор, которому буквально недавно стукнуло шестьдесят, похотливо разглядывает что-то ему рассказывающую девушку, а Айна, достав припрятанный в кармане диктофон, двигается к ним.

– Господин сенатор, какая встреча! – фальшиво улыбается оторопевшему мужчине Айна и подмигивает девушке. – Вас ведь днём с огнём не сыщешь! А сколько посланий я оставила на автоответчике вашего помощника, который, видать, слишком занят тем, что подбирает вам сопровождение, – Айна с ухмылкой рассматривает девушку. – Ой, простите, варит кофе! Вот и не нашёл времени ответить ни на одно моё сообщение.

– Чего тебе надо? – шипит недовольно мужчина, потирая платком жирную шею.

– Айна Фатих, NY Standart... – начинает было девушка, но ее перебивают.

– Я знаю, кто ты, – с отвращением в голосе заявляет мужчина.

– Я всего лишь делаю свою работу, в отличие от вас, – спокойно отвечает Айна. – Так, может, вы расскажете, почему сенаторы отказались проголосовать за...

– Ничего не буду рассказывать! – рычит на нее сенатор и пытается обойти. – Это свадьба! Я пришел отдыхать! Кто вообще додумался пустить сюда прессу!

Мужчина быстрыми шагами идёт в сторону столов, а Айна, нажав кнопку, наговаривает на диктофон:

– Отказался от комментариев, сбежал от вопроса, новая любовница, пора отказаться от жирной пищи.

Айна продолжает гулять по лужайке, делает несколько удачных интервью как с госчиновниками, так и с так называемыми бизнесменами, о путях дохода которых прекрасно осведомлена и которые, конечно же, незаконны.

Церемония бракосочетания проходит без братьев девушки. Айна удивлена, немного раздосадована, что семья не оказала девушке должную поддержку, потому что Мария явно ревела всю ночь, и ни один визажист мира этого бы не скрыл. Девушке надо отдать должное, она

позирует фотографам, подставляет щеку под поцелуи, и пусть и с трудом, но держится. Рано лысеющий мужчина рядом с ней не нравился Айне еще с фотографий в газетах, а сейчас вызывает только раздражение.

Гости расходятся каждый по своим столам, а Айна в сотый раз проклинает Бальтазара за запрет на фотографии. Один из сенаторов вот уже полчаса как очень мило общается с главой одной из китайских триад, и Айне было бы достаточно одной фотографии, чтобы раздуть из этого диалога целую историю, тем более, что она знает о теневом бизнесе сенатора в Шанхае.

Первую половину вечера для Айны, кроме пары удачных интервью, скрашивает встреча с представителем госдепартамента, с которым она в дружеских отношениях. Правда, Айна не уверена, что со стороны ее собеседника отношения тоже дружеские. Митч, так его зовут, осыпает ее комплиментами, долго расспрашивает о том, где она достала такой наряд, и всё не дает побыть в одиночестве и поразмыслить. Кое-как попрощавшись с Митчем, Айна хватает бокал красного полусухого с подноса мимо пробегающего официанта и становится в сторонке, впервые за вечер решив сделать перерыв и немного отдохнуть.

Айна пропускает момент, когда на свадьбе появляются братья Росси, но остро чувствует ту секунду, когда на нее раскалённой до красноты лавой чужой тяжёлый взгляд ложится. Этот взгляд кожу плавит, на каждом сантиметре по которому проходится, глубокие ожоги оставляет, и Айна, ещё не оборачиваясь, знает, кому именно он принадлежит. Она поворачивается медленно, последнюю долю секунды урвать пытается, чтобы подготовиться, чтобы суметь выстоять. Она готовилась мысленно все эти дни, обещала себе в следующий раз достойно этот душу на лоскутки нарезающий взгляд выдержать. Но снова проиграла.

Тут и миллион секунд не хватит. Демон стоит в пятнадцати шагах: между ними два стола, два десятка гостей, снующий туда-сюда персонал – но всё это мутная картинка, слившаяся в одно. Айна видит только его, впервые в жизни сетует на своё прекрасное зрение и вновь сгорает дотла на дне чужих зрачков. Даже лужайка делится ровно на два. Там, где Айна – свет, там, где Бало – беспросветная тьма.

Потому что Бальтазар – это мгла, войди в неё – век от этого мрака не отмоешься. Он – это темнота, тяжелым облаком в радиусе нескольких метров над головами сгущающаяся. Он – это вечный огонь, всё на своём пути выжигающий.

Айна – это зола, под его ногами хлопьями по зелёной искусственной траве разлетающаяся. Айна – это свежая рана, вновь от одного его присутствия открывшаяся, кровью через край хлещущая. Айна – это мигающая лампочка, ещё один миг, в вечную темноту чью-то-свою жизнь обрекающая.

Демон поднимает бокал, ни один мускул на его лице не дергается, никаких эмоций, подносит к губам, делает глоток, взгляда не отрывает.

«Не за тебя, а тебя, до самого дна».

Айна это в его глазах читает, сковывающему конечности ужасу окончательно сдаётся. Нервничает сильно. Ее колотит так, будто она только что выпила полбутылки виски и из жаркого помещения вывалился на улицу, где, минимум, минус двадцать. Сердце ходуном заходится, и только треск пластмассового корпуса диктофона в руке возвращает ее в пусть и нежелательную, но реальность, заставляет сбросить оцепенение.

Демон сеет смуты, испивает души, купается в крови, но выглядит, как Бог. Он прекрасен настолько, что Айне обидно от этой несправедливости. Вселенское зло не должно было выглядеть, как самое прекрасное творение в мире. Все твари преисподней собрались и изваяли своё лучшее дитя, дали ему всё, о чём может желать смертный, но этого было мало. Они наградили его внешностью Аполлона, всучили в руки такое страшное оружие, как красота, а таким, как Айна, уцепиться бы за что-то, лишь бы перед сшибающей своей силой волной харизмы устоять.

Бальтазар одет в тёмно-серый, сидящий на нём, как влитой, костюм-тройку и похож скорее на звезду Голливуда, чем головореза. Он взгляда не уводит, как и тогда, в первый раз, идёт

до самого конца, пошады не обещает. Айна и в этот раз понимает, что не выдержит, клянётся справиться в следующий и первой сдаётся. Замечает судью, у которого как раз хотела кое-что спросить и, отвернувшись, быстрыми шагами идёт к нему, буквально волоча за собой гвоздями в нее вбитый чужой, в самую душу пробирающийся взгляд чёрных глаз.

Бальтазару нравится. Что именно – он пока не знает. Он в суматохе этого дня даже забыл про пригласительное для журналистки, что та будет на свадьбе, но стоило выйти на лужайку, как она оказалась первой, кого Бало заметил. Не заметить Айну невозможно.

На свадьбе собрались самые влиятельные и богатые люди страны, они разодеты в шелка и кожу от лучших кутюрье мира. На одни запонки этих напыщенных господ можно купить хороший автомобиль, но все их наряды, драгоценности затираются там, где стоит Айна.

Бало смотрит на нее долго, пристально, тонет в пучине своих мыслей, разбирается с ними. Почему так красиво? Там, на ужине, ему понравился острый язычок, начитанность и живой ум, сейчас он думает вовсе не об этом.

Айна Фатих – искусство. Жаль, если Бало это искусство в порошок собственными руками стереть придётся. Очень жаль. Айна смотрит прямо, не ломается, не боится, в Бальтазаре азарт распалает, дремлющего охотника пробуждает. Всё больше нравится, с каждым мгновением глубже внутри оседает, странные чувства вызывает, даже пугает.

Бало в ее глазах океан видит, в нём белые льдинки хрусталя плещутся. Он холодный, как Антарктида, Бальтазар есть огонь.

Ничто в этом мире не вечно. Красота вечна. Бальтазар истинный ценитель. Сканирует, предвкушает, наслаждается. Красота Айны манит, притягивает, соблазняет. Бало впервые в растерянности, но ничто сейчас не важно. Он хочет поближе рассмотреть, хочет послушать, в себе разобраться. Понять, почему так сильно его влечёт к этой тощей заднице, хотя кому он врёт, она вовсе и не тощая. Он откладывает бокал в сторону, переступает через свои правила и делает первый шаг.

Интервью не получается, судья уже пьян, говорить отказывается, Айна тяжело вздыхает и только поворачивается уйти, как ударяется лбом о мощную грудь.

– Простите, – поправляет чёлку девушка и поднимает глаза.

– В этот раз прошаяю, – криво улыбается Демон, а на дне зрачков и ни намека на прощение. Айна вся внутри сжимается, боится, что по швам разойдётся, как щенок, в душе скулит, но внешне оборону достойно держит.

– Чудесная свадьба, мистер Росси, – нарочно смотрит по сторонам Айна, чтобы быть способной говорить.

– Поэтому ты пришла на неё во всём чёрном, как на похороны? – приподнимает бровь мужчина.

– Что было, то надела, – врёт Айна, которая провела четыре часа в бутиках.

– Выглядишь прекрасно, – Бало будто заставляет смотреть на себя, его аура настолько давящая, настолько подчиняющая, что Айна сдаётся.

– Комплимент от самого Дона. Я дожила до этого дня, – пытается смеяться Айна, но выходит фальшиво.

Бальтазар молчит. Опускает глаза ниже к губам, к линии подбородка, шее, подолгу разглядывает каждый сантиметр. Айне бы начать возмущаться, но ее словно оплели паутиной, впрыснули яд, она не в силах даже двинуться, как замороженная, следит за чужими глазами. Бало не понимает пока почему, но прямо сейчас он хочет к ней прикоснуться, на долю секунды ощупать ее кожу, проверить, вправду ли она такая нежная и гладкая. Как у нее может быть такая кожа, да вообще у человека?

Бальтазар своим мыслям усмехается.

– Раз уж... – прокашливается Айна. – Ну, мы так мило общаемся, не дадите ли вы мне интервью? – очаровательно хлопает ресницами девушка.

– Ты опять за своё, – Бальтазар не хочет разговаривать, он хочет любоваться.

Он хочет снять это сотканное из тончайшей ткани платье, просто проверить, кожа под ней такая же, как на горле, на этих острых ключицах. Интересно, чем она пахнет, когда не залита Диор? Какой вкус у этих вишнёвых, магнитом его притягивающих губ? Что за мысли, Дьявол? Бало пытается стряхнуть эти странные желания, выходит не очень.

– Тогда только один вопрос, – Айна не знает, зачем спрашивает, язык срабатывает раньше мозгов. – Что по-вашему счастье?

Бало щуривает глаза, долго смотрит, будто сквозь, а потом говорит:

– Мне кажется, оно должно быть собрано в одном слове, а не в перечислении материальных благ.

Умолкает.

– Так какое оно, это слово? – не сдаётся Айна.

– Я не знаю.

Он не лжёт. Айна это по его глазам видит. Она теряется на секунду, потому что и сама не знает этого слова. Она солгала Майклу.

– Так что насчёт интервью? – решает разрядить наэлектризованную обстановку Айна.

– Мой ответ – нет.

– Тогда я поищу того, кто не откажет, – пожимает плечами девушка, думая больше не об интервью, а о любом поводе вырваться из этого давящего кокона. – Вот же, там сидит глава русской мафи... – театрально кашляет Айна. – Я хотела сказать директор автомобильного завода. Пойду-ка я к нему, авось, что расскажет, – она облизывает сухие губы, Бало свои до крови кусает.

Бальтазар, вроде, и не пил особо, но точно не в себе. С утра будет бодрячком, мысли в порядок приведёт, и идея разложить какую-то журнальгу испарится. Не какую-то.

«Что за бред?» – злится Демон. Почему на ее ресницах взгляд замирает, тянет так, будто через нее невидимое копьё прошло и Бальтазара проткнуло, будто они прибиты, и самое страшное – Бало это нравится. Хочется только ближе, вплотную, хочется почувствовать. Она такая хрупкая – Бало уверен, он ее в пыль одним прикосновением превратит. Она такая нежная, как лепестки чайной розы у них в саду каждым летом. Она такая желанная, что слово «желание» обретает новый смысл. В качестве кого, зачем, как – Бальтазар не знает. Бальтазар хочет эту куклу. И пусть её не купить. Он всё равно хочет.

Айна делает шаг в сторону, чтобы обойти Бальтазара, но последний хватает ее под локоть и, удерживая на месте, поворачивается к ней лицом. Не убирает пальцев, раскалёнными спицами чужой локоть плавающих, взгляд, в самую душу смотрящий.

– Ты достаточно поработала сегодня, тебе этот старый извращенец не нужен. Отдохни, развлекись.

– Ревнуешь? – почему Айну угораздило пойти напролом, почему она внезапно включила кокетку, когда вообще не стоило, она не знает. Это потом у себя в ванной она сама себе по лбу за это несколько раз шлёпнет.

Бало ещё ближе, ещё одно движение, и они коснутся губами – у Айны ноги подкашиваются от этой близости, у мужчины красный полыхающий огонь в глазах чёрным космосом сменяется.

– Молись всем своим богам, чтобы тебе не пришлось познакомиться с моей ревностью, – говорит медленно, растягивает слова, а Айна с каждой паузой часть себя теряет, на усыпанную лепестками белых ромашек траву кусками оседает. – Тебе не надо вызывать мой интерес. Не стоит.

– Я и не пыталась, – оправдывается Айна, то ли оскорблённая, то ли всё ещё напуганная.

– Значит, не повезло, куколка, – Бальтазар разжимает пальцы и делает шаг назад.

Айна покидает свадьбу сразу же.

Если перед войной в воздухе уже пахнет порохом, то сейчас он отчётливо пропитан запахом крови. Айна уверена, что знает, чьей именно.

Всю дорогу до квартиры в такси ее трясёт. Только просидев в тёплой ванне двадцать минут и немного поболтав по телефону с Майклом, Айна успокаивается.

Не может человек одним своим видом доводить второго до тряски. Айне бы пора нервную систему проверить. Она и проверит. Но сперва она докажет себе, что не струсила, что не поддалась очарованию этого дьявола, не изменила своим принципам и сделает задуманное. С утра она переговорит с теми, кто обещал стоять за ней до последнего, а потом опубликует то, что лишит семью Росси и дохода, и засадит Бало Росси за решетку. Даже властям перед этой бомбой не устоять. Бальтазар сядет. И может тогда Айна наконец-то выдохнет. Потому что третьей встречи с ним она не выдержит. Бальтазар должен находиться за толстыми бетонными стенами, обмотанными колючей проволокой и самой современной сигнализацией.

Потому что Айна боится. Впервые в жизни.

===== **Blood on your walls** =====

– Я не буду тебе лгать, я решила, что не перестану писать про Бало Росси, – Айна ставит бокал с вином на кухонную стойку и, обойдя её, подходит к сидящему в кресле Майклу.

– Я думал, ты мне что-то хорошее хочешь рассказать, поэтому и прибежала ко мне среди ночи, а ты опять со своим Бало, – недовольно говорит Амато и приглашающе хлопает по своему бедру.

Айна опускается на колени мужчины и, обвив руками его шею, продолжает:

– Я знаю, кто он и что он. Знаю, что ему ничего не стоит меня убраться, но, а если я успею обнародовать данные раньше? Если я смогу раскрыть его досье до того, как он вышлет на меня своих палачей?

– Я не понимаю, куда ты ведёшь, – хмурится Майкл.

– У меня есть кое-что очень важное, кое-что, чему я посвятила почти все годы работы в СМИ и что собирала по крупицам. У меня есть доказательства.

– О чём ты говоришь? – внимательно смотрит на нее мужчина.

– Я даже тебе об этом никогда не говорила, но ты ведь знаешь, у меня большие связи в правительстве, и да, как бы мне это не нравилось, большей частью из-за моего отца, – дует губы Айна. – Так вот, у меня есть два файла на вес золота. В одном из них доказательства перевода огромных сумм денег в офшоры. И я, как минимум, могу засадить Бальтазара за решетку за уклонение от налогов. Оба файла хранятся в секретном хранилище и к ним ни у кого нет доступа, кроме меня. Я думаю, я готова и можно начинать «охоту на Демона».

– Откуда? Что за файлы? – снимает ее с колен Майкл и поднимается на ноги. – Что ещё ты от меня скрываешь? Я, вообще-то, без пяти минут капитан полиции, но даже у меня нет доказательств его деятельности! И если они у тебя всё это время были, какого чёрта я о них не знаю?!

– Послушай, не нервничай только, – хватая его за руку Айна. – Я не говорила, потому что работала над ними, потому что чем меньше людей о них знают, тем лучше. Я не хотела подвергать риску твою жизнь...

– Какая самоотверженность! – восклицает Амато. – Ты первым делом должна была прийти с ними ко мне! Мы бы сделали всё путём закона, мы бы арестовали этого сукиного...

– Нет! – перебивает его Айна. – Тебе важна твоя карьера, а мне – моя. Мы взрослые люди, и ты должен понимать, насколько сильно я хочу, чтобы под всеми новостями и очерками о крахе семьи Росси стояла моя фамилия! Я не просто так пошла в журналистику, может, мною и движет тщеславие, но оно поделено на два. Я хочу избавить город от этого чудовища, и я хочу стать лучшим журналистом страны. Даже ты мне не помешаешь.

– Ты играешь с огнём, – криво усмехается Амато.

– Секунду назад ты сам хотел с ним играть, притом отобрав у меня, – парирует девушка.

– Не коверкай мои слова! – рычит на нее Майкл. – Я, прежде всего, думаю о твоей безопасности, ты одна из-под этого не выберешься.

– Я и не одна, – мягко улыбается ему Айна. – У меня есть ты, значит, вся полиция Нью-Йорка. Есть пара людей в конгрессе и госдепартаменте, некоторых из них ты знаешь. И даже есть человек в службе безопасности. Тебе не о чём переживать. За мной стена.

– Ты ведь лучше всех знаешь методы мафии. Когда их останавливала хоть какая-то стена?

– В этой стране останавливала, вспомни Аль Капоне, Франчесзе, главу семьи Сяо... Все они сидели, некоторые до сих пор сидят, притом все вышеперечисленные были куда могущественнее Росси. Их смогли засадить в тюрьму и надолго, и я смогу, – победно смотрит на мужчину Айна.

– Да, но их по пальцам сосчитать, сколько даже до суда не дошли! – спорит с ней Майкл. – Отдай файлы мне, позволь закону заняться этим, а сама тешь своё самолюбие тем, что вообще смогла их собрать, – серьёзно просит он.

– Ты с ума сошёл! – негодует Айна. – Никому! Даже матери, если она с того света вернётся! Никому. Я посажу Росси.

– Ладно, – выдыхает Майкл и пытается успокоиться. – Ты права. Я не могу отобрать твой труд. Но я должен буду тогда заняться твоей безопасностью. Без того, чтобы меня предупредить, не смей запускать первый файл. Сперва я возьму тебя под полную защиту.

– Само собой, – улыбается ему Айна. – Думаю, я смогу закончить готовить материал по налогам к следующей неделе.

– Что во втором файле?

– Прости, но даже тебе этого я пока сказать не могу.

– Понимаю, – Майкл притягивает девушку к себе и обнимает. – Обещай быть осторожной.

– У меня такая защита, как ты. Как тут не быть, – смеётся Айна.

– Ещё один смертный, возомнивший себя бессмертным, – Бальтазар сидит в кресле в лаундж-помещении своего казино и вертит меж пальцев изготовленную на заказ из 18-каратного белого золота любимую зажигалку от S.T. Dupont. Напротив него за низким столиком, заставленным бутылками виски и коньяка, вальяжно развалившись на диване, сидит Гаспар. Калум, как и всегда, нависает за Бало мрачной стеной.

– Мои источники в правительстве не врут, никогда не врал, – рассказывает Гаспар. – Им поступила информация от соответствующего издания о какой-то невероятной «бомбе», которая взорвёт страну буквально на днях. Я сопоставил название издания, имя человека, готовящего «бомбу», и других вариантов быть не может. В воздухе явно пахнет бензином.

– Так подожжём его, – Бало щёлкает по крышке зажигалки и пару секунд любуется огнём. – Сходи в гости к нашей дорогой подруге.

– К этой журналистке? – удивлённо спрашивает его Гаспар.

– А чего ты удивляешься? – хмурится Бало.

– Я думал, ее дело передано Калуму, – смеряет недовольным взглядом мужчину позади брата старший Росси.

– Ты не думай, ты делай, – отрезает Бало. – Навести ее. Передай ей мои самые искренние пожелания.

– С удовольствием, – скалится Гаспар.

– Но не убивай.

– Чего? – моментально портится настроение Гаспара.

– Я устал объяснять всё, – тяжело вздыхает Бальтазар. – Ты поедешь и поугрожаешь, можешь ей что-то сломать, валяй. Подозрения на нас не упадут. Потому что ничего не опубликовано пока, мне не за что ее наказывать. А если ты убьешь ее, отмыться будет сложнее. Убьем, если после предупреждения не поумнеет. А пока просто предупредим.

– Понял, – недовольно бурчит Гаспар. – Сегодня проверю обстановку, на днях зайду в гости.

– Не попадись.

– Когда я попадался-то? – пытается возмутиться старший.

– Буквально месяц назад я тебя из тюрьмы вытащил.

– Шах и мат.

Гаспар следит за Айной три дня. Девушка почти из дома не выходит, только пару раз в супермаркет, а один раз едет в пригород. Гаспар потом узнаёт, что там живёт ее отец со своей семьёй. А вчера приставленный к Айне человек доложил, что она ездила в одну из жилых высоток на Манхэттене и осталась там с ночёвкой. Гаспар отмечает себе адрес и собирается как-нибудь проверить всех жителей тридцати пяти квартир в здании, чтобы узнать, к кому именно ездила девушка.

«Или парень, или родственники», – решает про себя Гаспар, когда приставленный к Айне работник даёт ему отчёт о ее передвижениях.

Гаспар знает, что все работающие люди в основном вечер воскресенья проводят дома и никуда не выходят, подготавливаясь к очередной рабочей неделе, поэтому с обеда сидит в неприметном мерседесе перед подъездом девушки и ждёт, выйдет ли она из дома. К девяти часам Гаспар покидает автомобиль, высылает двух своих телохранителей к коменданту дома за записями с камер и кодом от двери, а потом проходит к лифту.

Айна уже который день проводит за ноутбуком и телефоном. Она уже подготовила статью, осталось придумать сильный заголовок, прикрепить доказательства, которые она пока ещё не забрала с хранилища, и вуаля. Поразмявшись немного и помассировав затёкшую от постоянного сидения перед ноутом шею, Айна вылезает из-за стола, чтобы пойти на кухню за четвёртой кружкой кофе, как в дверь стучат.

Девушка удивляется, потому что никого не ждёт, а Майкл о визите всегда предупреждает, и, подойдя, включает видеофон. Увидев коменданта дома, Айна открывает замок и дёргает на себя дверь. Мистер Седж, которому уже за пятьдесят и который из-за вечной любви к крепкой выпивке и тяжёлым сигаретам и так обычно болезненно выглядит, сейчас фактически сливается с серыми стенами подъезда и, более того, его ощутимо потряхивает. Айна уже собирается перешагнуть через порог и поддержать еле стоящего на ногах мужчину, как мистера Седжа резко толкает к стене непонятно откуда взявшийся амбал. Ещё через секунду на Айну, одним только взглядом втапывая ее в пол, смотрит Гаспар Росси.

Поняв, что дверь ей уже не закрыть, Айна бросается вглубь коридора, лишь бы добраться до мобильного в гостиной, но Гаспар перехватывает ее поперек за талию прямо на пороге гостиной и со всей силы бьёт лбом о косяк двери. Айна, потеряв сознание, сползает по ней вниз, а Гаспар, перешагнув через лежащую на полу девушку, проходит в комнату и осматривает её. Один из телохранителей Росси остаётся сторожить дверь.

Первым делом Гаспар идёт к включённому ноутбуку и, просмотрев открытую статью, которая собой ничего, кроме предположений, не представляет, переходит к сохранённым файлам. Айна начинает понемногу приходить в себя, а Гаспар продолжает щёлкать мышкой по папкам.

– Да я тут красавец просто, – открывает фото, сделанное в день выхода из тюрьмы, Росси. – Пишешь ты отвратно, но фотографии отличные.

– Я вызову полицию, – еле слышно произносит Айна, потирая лоб и пытаясь хоть сколько-нибудь сфокусировать взгляд.

– Вызовешь, обязательно, – смеётся Гаспар, продолжая копаться в папках. – Бало! Надо же, ты сняла его прямо у офиса. Надо ему это скинуть, похож на какого-то мафиози... ой, прости, он и есть мафиози, – хохочет мужчина и смахивает ноутбук на пол.

Боль от удара сконцентрировала всё восприятие картины реальности на себе, поэтому до Айны с опозданием доходит мысль, что в ее квартире Гаспар Монстр Росси и его обычно Бальтазар посылает убивать. Неужели он пришёл теперь по ее душу? Айна отчаянно не хочет в это верить.

Гаспар обходит осколки разбитого ноутбука и, покрутившись по гостиной, но, видимо, не найдя ничего интересного, идёт обратно к девушке. Айна, заметив движение в свою сторону, сразу начинает отползать к кухне, потому что перед входной дверью стоит человек Росси, и других вариантов нет. Неважно куда и как, главное – спрятаться, хотя она и понимает, от этого Монстра не спрячешься. Гаспар всё ближе, а у Айны сердце уже в горле, ещё немного, она просто от его разрыва умрёт – Гаспару и делать ничего не придётся. Ужас сковывает конечности, парализует позвоночник, мысли бьются друг о друга, и во всем этом мареве никакого просвета. Айна так и умрёт незаметно в своей квартире, ничего после себя не оставив, ничем не запомнившись.

Айна видит его ботинки перед собой, прикрывает ладонями лицо и вжимается в пол, будто он сейчас разверзнется и спасёт ее от рук Монстра. Но пол не расходится, сирен не слышно. Айна всё так же одна, распластана перед чудовищем, о паркет скребётся, «не хочу умирать» повторяет и всё равно ползёт, пусть и не от Гаспара, а к нему. Гаспар хватается за ворот домашней футболки и, волоча по полу, протаскивает через весь коридор до кухни, и швыряет в угол. Айна, преодолевая боль, подскакивает на ноги, замахивается и один раз даже попадает по подбородку, но ее с силой толкают к шкафам, и она валится на осколки слетевшей с них посуды.

– Даже не пытайся, – Гаспар останавливается напротив и сверлит девушку взглядом чёрных глаз, Айна видит там всё, что угодно, но только не то, что ее пощадят. – Чего кулаками машешь? Думаешь, ты можешь победить меня в бою? Не смейся.

– За что? Я ничего не сделала, – пытается оттянуть время Айна и лихорадочно смотрит по сторонам, сама не зная, какого рода оружие может ей помочь остановить Монстра. – Вам это с рук не сойдёт, вам не выйти сухими из воды в этот раз, – пусть Айна и сама сейчас не верит в то, что говорит, но надо попытаться его отвлечь, надо придумать себе путь к спасению.

– Скажем, мне скучно, – Гаспар оглядывает кухню, а Айна, воспользовавшись тем, что внимание не на ней, собирает всю свою силу и срывается к двери. Но стоит только добежать до неё, как Гаспар хватается за нее, развернув лицом к себе, бьёт кулаком по челюсти. Айна сплёвывает кровь на пол и не успевает отогнать темноту перед глазами, как получает ещё один удар в солнечное сплетение. Она, обнимая свой живот, падает на колени и уже в открытую скулит от взрывающейся внутри снарядами боли. Надо дать сдачи, надо попробовать хотя бы кричать, вдруг соседи услышат и позовут помощь, но липкий ужас по коже противно расползается, стягивает, не позволяет оценить обстановку, придумать выход.

Айна с детства отличается слабостью и хилостью, и даже то, что она немного ходила в секцию карате, ей особо никогда не помогало. Она никогда не могла постоять за себя, а тут и вовсе не постоишь. Против нее зверь, чудовище, исчадие ада. Тот, кто убивает голыми руками. Айна наизусть знает досье старшего Росси, и пусть половина там описанного не доказана, графе «убил голыми руками» она верит. И сейчас, сплёвывая свою кровь на светлый паркет, только убеждается.

Гаспар за волосы больно тянет ее наверх, заставляя встать на ноги и, толкнув к стене, снова бьёт по лицу. Больно так, что Айна уже в голос воет, прикрывает кровавыми пальцами

лицо, на котором будто и живого места нет, и молит пощадить, но Монстр не слушает, он только в раж вошёл. Гаспар пёс, которому сказали «взять», вот он и берёт, пока приказ хозяина не выполнит – не отстанет.

Айна мечтает снова отключиться, лишь бы не чувствовать очередной удар, но Гаспар больше по лицу и голове не бьёт, только по ногам, заставляя перед собой на колени встать. Оставляет разбитую девушку в унижительной позе и проходит к столу. Он выдергивает задвинутый под него стул и изо всех сил бьёт его об стену. Стул разлетается в щепки, оставив целыми только толстые деревянные ножки. Айна, глотая собственную кровь, следит за ним, не понимает, что он на этот раз удумал, всё ещё надеется отключиться и перестать чувствовать боль. Гаспар отрывает одну ножку, подбрасывает в воздухе, ловит, примеряет, а потом, схватив со второго стула брошенный на спинку худи, вновь идёт к ней. Айна почти уже не соображает, всё лицо залито кровью, хлещущей из носа, глаза заплыли, губы будто в глубоких порезах, не пошевелить. Она чувствует чужие пальцы на своём горле, вцепляется за них обеими руками, лишь бы ещё разок воздуха глотнуть, отодрать эти клешни, но бесполезно. Гаспар подтаскивает ее к столу, укладывает животом на него, дёргает на себя левую руку и, обмотав её худи, прижимает к столу.

– Что ты делаешь? – хрипит Айна и не может приподняться, чтобы повернуться влево и посмотреть на свою руку. – За что? – чуть ли не плачет.

– Ты знаешь за что, – медленно выговаривает Гаспар. – Искренние и наилучшие пожелания от Бало, – с улыбкой выговаривает мужчина и, размахнувшись, бьёт самодельной битой по руке ниже локтя. Ножка от стула в руках Гаспара переламывается надвое, а у Айны уши закладывает от собственного полного боли истошного крика. Она продолжает кричать уже не столько от боли, сколько от страха, что как только перестанет, то опять будет слышать треск собственных переломанных костей, эхом стоящий в ушах.

Гаспар отпускает ее, и Айна, не в силах даже коснуться переломанной руки, сползает на пол и рыдает в голос. Будто бы на всю левую сторону туловища кипящее олово вылили, ей даже рыдать больно, от каждого глубокого вдоха болит всё сильнее. Гаспар проходит к крану, моет руки и, насвистывая «Зиму» Вивальди, ищет зажигалку. Он брезгливо морщится, кинув взгляд на так и плачущую на полу и измазанную в своей крови девушку, и, усевшись прямо на стол, на котором только что проводил казнь, прикуривает.

– Ты скажешь полиции, что тебя пытались ограбить, хотя живёшь, как нищобродка, – смеётся Гаспар. – Если ты этого не сделаешь, мистер Седж сдохнет, а за избиение я точно ничего не получу, можешь быть уверена.

Гаспар тушит сигарету прямо о стол и, спрыгнув с него, идёт в коридор. Он возвращается через минуту с мобильным Айны, набирает скорую, но не нажав кнопку вызова, кладёт телефон на пол рядом с девушкой.

– Ты уж дотянись как-нибудь. Хотя я нежно с тобой обошёлся, но мало ли, вдруг не рассчитал удар, – говорит ей Гаспар. – Запомни, следующего раза не будет, мы предупреждаем только один раз. Если ты сглупишь, и в прессу выйдет что-то, что нам может не понравиться, то тогда приду уже не я, придёт он. И лучше тебе до этого не доводить.

Гаспар сразу же покидает квартиру, а Айна целой рукой тянется к мобильному.

Полицейские – это вторые люди после врачей, кого видит Айна, когда приходит в себя в больнице. Прямо рядом с ее койкой стоит Майкл, позади которого топчутся ещё двое следователей. Если бы не боль от распухших губ, то Айна бы своему парню улыбнулась, но максимум, на что ее хватает, это приглушённое «Майк», которое, при виде хмурого взгляда Амато, застревает где-то в глотке, так до конца не вырвавшись.

– Я здесь, как представитель закона, и я должен задать тебе пару вопросов.

Айна теперь уже молча кивает, а Майкл просит медсестру и своих коллег оставить их наедине.

– Ты напугала меня, – Майкл нагибается к девушке и оставляет легкий поцелуй на лбу. – Мне пришлось придумать отмазку, потому что мелкие преступления и допрос свидетеля или жертвы – не моё дело. Это были они?

Айна молчит. На самом деле то ли от лекарств, которыми ее пичкают последние сутки, то ли от всё ещё не отпустившего ее испуга, но разговаривать с Майклом не хочется, хочется обнять его за шею, прижаться и долго и горько рыдать. Может, слёзы помогут выплеснуть этот зародившийся страх, снимут эти следы от побоев, залечат раненную чужими руками душу. Но нельзя. У них не такие отношения пока, да и Майкл вряд ли поймёт такой всплеск эмоций. Поэтому Айна на корню душист зарождающийся ком обиды и горечи в груди, смаргивает невидимые слёзы и просто говорит «нет».

– Мы проверили камеры, допросили вашего коменданта, ничего, кроме того, что старик сильно напуган.

– Это было ограбление. Пожалуйста, Майк, мне надо отдохнуть, – просит девушка.

– Ты просто не хочешь об этом говорить, – хмурится Амато. – Ну, хорошо. Поправляйся. Я всё равно выставил у твоей палаты охрану, и после возвращения домой ты будешь находиться под постоянной защитой. Сейчас главное – твоё здоровье, – он вновь целует ее в лоб. – Он ответит за всё, я тебе обещаю, – добавляет Амато и идёт к двери.

Айна откидывается на подушку и прикрывает веки. Гаспар никуда не уходит, он всё так же перед глазами, так же рвёт ее плоть и крошит кости. Демон хотел ее напугать, и у него почти получилось. Вот только сегодня на смену столько часов живущему внутри животному страху пришла злость. Она на себя, на него, на несправедливость. Она растёт, как снежный ком, надевает на голову корону, заставляет все остальные чувства перед ней капитулировать и берёт бразды правления в свои руки. Хочется прочувствовать его кожу под своими кулаками, молотить ими до тех пор, пока вместо лица не останется кровавое месиво, сломать ему обе руки, отрезать язык, которым он издаёт такие бесчеловечные приказы, но Айна этого не может.

Зато она может другое. Она может заставить его лишиться солнечного света, может заточить его на долгие годы за железные решётки, а ещё может устроить ему бессонные ночи лишением большей половины имущества. Если раньше Айной руководили справедливость, желание сделать мир чуточку лучше и мечта о премии, которая будет красоваться на ее шкафу, то сейчас сюда прибавилась и месть. И кажется, она одна сильнее всех остальных причин вместе взятых. Бальтазар Росси не может творить беспредел и оставаться при этом безнаказанным. Айна не позволит, потому что те, кто был до нее, – не сломались. Она знает поимённо каждого журналиста, которые пошли до конца, которые добились того, чего хотели, за что боролись. Почему Айна должен отступить? Почему она должен струсить из-за побоев? Она ведь с самого начала знала, на что идёт, знала, когда полезла именно в самую сложную часть журналистики, знала, и всё равно шла. Свернуть с пути сейчас – это ненавидеть себя всю свою жизнь. Айне ненависти отца хватает. Ещё одну она не выдержит.

Пусть Ихсан и думает, что у него никудышная дочь, Айна ему докажет, что справедливость может восторжествовать не только ударом молотка судьбы по подставке, но и буквами, выводимыми на бумаге. Ихсан так и не простил дочери то, что она не последовала его примеру и не пошла на юридический, а выбрала такую «несерьёзную» профессию. Айна никогда логики отца в этом вопросе не поймёт, но серьёзность своей профессии докажет.

Вечером ее навещает Моника, извиняется за Ихсана, объясняет его забитым графиком, Айна с трудом улыбается и просит женщину не оправдываться за него. Сразу после Моника заходит и Дэвон, и Айна, закатывая глаза, долго слушает причитания друга о том, какая же она всё-таки идиотка.

В Royal, как и всегда, много народу и душно, но Гаспар идёт прямо в VIP-зону, оставляет весь шум и гам за её дверями.

– Красивая девчонка, – Гаспар берёт в руки бокал брата и залпом опустошает.

Бало отлепляет от себя яркую брюнетку, просит девушку сходить погулять, а сам тянется к пачке сигарет на столе.

– Очень красивая, – Бальтазар ждёт, пока официант вновь наполнит его бокал. – Поэтому и жаль было портить эту красоту. А ты ведь испортил?

– О да, – смеётся Гаспар. – Лицо я ей знатно подпортил.

– И всё? – с нотками разочарования в голосе спрашивает Бало.

– Конечно же нет, – театрально возмущается Гаспар. – Она будет идиоткой, если после этого посмеет снова на нас полезть. Я сломал ей руку, может, рёбра ещё. Раскрасил ее маленькую кухню ее же кровью.

– Прекрасно, – довольно усмехается Бальтазар. – Нашёл что-нибудь интересное?

– Пустые тексты. Ты был прав, если даже у нее что-то есть, то это не дома.

– Конечно, она вовсе не глупа, так же, как и те, кто стоит за ней, – спокойно говорит Бало, откинувшись на спинку дивана. – Поэтому пытаться и выбивать у нее инфу про файлы – трата времени. Даже если она нам назовёт место, не факт, что ни у кого нет больше копий. Подождём, посмотрим, что дальше будет.

– Ничего не будет, она хоть и пыталась дать сдачи, я ее быстро усмирил, – смеётся Гаспар. – Она трусишка, рыдала как ребенок, когда я ей руку сломал.

– Это, вообще-то, больно, – кривит губы в улыбке Бало. – Бедная куколка, вот и первая трещина пошла.

– Кстати, ты будешь удивлён. Я ещё кое-что узнал про эту девчонку, – подмигивает старший и подаётся вперёд.

Бало ожидающе смотрит на брата и делает пару глотков из бокала в руке.

– Знаешь, кто его ёбарь?

– Ёбарь? – Бальтазар откладывает бокал на стол и облакачивается на свои колени.

Он мгновенно мрачнеет, и брат это отчётливо видит, нарочно делает паузу, ковыряется в ведёрке со льдом. Бало тянется за бокалом, делает ещё один глоток, чувствует, как обжигает горло любимый вкус, но удовольствия никакого. Откуда эта внезапная злость, почему хочется ее под своими пальцами ощутить, поднажать сильнее и послушать, как кости хрустят, – он не знает. Зато он точно знает, что доложи Гаспар об этом до визита, то приказал бы убить. Потому что картина того, как Айна выгибается под кем-то и шире ноги разводит, – натягивает нервы в струнку, заставляет зубами скрежетать.

– Я его знаю? – наконец-то открывает рот Бало.

– О да, ещё как, – усмехается Гаспар. – Наш любимый замглавы департамента полиции Амато.

В голове у Бальтазара коллапс. Он видит, как швыряет по одной все бутылки со стола об стену, как переворачивает стол, как наслаждается звуком бьющегося стекла, но внешне он статую, сидит, как и сидел, вертит в руке бокал и смотрит сквозь брата.

Картинка возвращается, вот только сейчас у трахающего Айна мужчины появилось лицо, притом то самое, которое Бало мечтает лично землёй усыпать. Хочется прямо сейчас сорваться и к ней поехать. Схватить ее за длинные цвета воронова крыла пряди и бить головой о первую стену, впитать ее крики, нанюхаться ее крови, унять это чудовище злости, восставшее внутри. Только вот злости ли?

Бальтазару не должно быть до Айны Фатих никакого дела, кроме того, что у той есть на него компромат, но сейчас плевать на все документы и доказательства, даже они его вот так по щелчку не выводили. Одна мысль о стонущей под Амато своим этим хрипловатым, грудным голосом Айне заставляет вылететь все пробки, замыкает мозг. Эта картина перед глазами не

затирается, Бало ее длинные пальцы, комкающие простыни, видит, слышит ее тяжёлое дыхание, видит бледную кожу, по которой чужая ладонь скользит, и чуть ли не рычит. Бальтазара трудно разозлить, почти что невозможно, но Айна разозлила. Своим блядским видом, любопытством, упёртостью, а самое главное, тем, что не просто позволяет кому-то прикасаться к себе, а позволяет это Майклу Амато. У Куклы должен быть один хозяин, и если Бальтазар ее не убьёт, то это будет его и только его кукла.

– Ясно.

– Какие-то ещё указания будут?

– Да, пусть от моего имени пошлют в больницу букет цветов, – спокойно, без эмоций распорядится Бало. – Букет из красных тюльпанов и белых лилий. Тюльпаны символ кратковременной красоты, а лилии – быстротечности жизни. Она умная девчонка – намёк поймёт. Она столько выпусков нам посвятила, ничего плохого в том, что мы внимательны к ней, нет.

– Сделаю, – усмехается Гаспар и достаёт из нагрудного кармана маленький свёрток с порошком.

Айна получает огромный букет белых лилий и красных тюльпанов утром вторника и просит медсестру передать ей визитку, наколотую сверху. Букет очень красивый, даже завораживающий. Айна с улыбкой рассматривает его, жалеет, что не в состоянии подойти и сполна насладиться. Она берёт переданную ей визитку и подносит к глазам.

«Цветам свойственно увядать, но память об их красоте вечна. Твою красоту я запомню, твою жизнь ты должна продлить сама. Поправляйся. БР.»

Айна пару секунд стеклянным взглядом смотрит на золотистую визитку в руке, всё силится перебороть набирающий обороты торнадо страха внутри, но не справляется. Он разносится по крови песчинками, бурлит, поднимается к горлу, и Айна чувствует на языке крошки своих перемолотых внутренностей. Пытается сплюнуть, прокашляться, но не в состоянии взять себя в руки, выдирает капельницы, сгибается пополам и пугает медсестру.

– Уберите цветы, уберите их отсюда, – кричит она побледневшей от страха девушке. – И это тоже, пожалуйста, уберите, – молит словно в припадке и указывает на выброшенную на пол визитку.

– Но куда я их дену? – растерянно смотрит на нее девушка.

– Выбросите, сожгите, вынесите их из палаты.

Медсестра, вздохнув, подходит к койке, проверяет капельницы, подсоединяет обратно и с букетом скрывается за дверь.

Айна понемногу успокаивается, откидывается на подушку и пустым взглядом смотрит в окно, за которым как ни в чём не бывало садится солнце. Демон не позволяет о себе забыть, даже не присутствуя рядом – оплетает сетями, обматывает их вокруг горла и душит. Он пришёл к ней на закате, не просто напомнил о себе, а сделал открытый намёк, не расцени Айна его правильно, и это будет уже ее собственный закат. И пусть красное небо сейчас заставляет вспомнить брызги крови на стене своей кухни – сдаваться хочется только с последним вздохом.

Айна не умрёт трусихой.

===== **Fame, liquor, pain** =====

Эти скучные приёмы, на которых всё же желательно присутствовать, стоят у Бальтазара, как кость поперёк горла. Выкраивать в своём забитом графике лишний час, чтобы поздороваться с престарелыми толстосумами, не давать о себе забыть, как своим партнёрам, так и врагам, а также показать обществу, что он готов потратить свои деньги во их благо – святое. Бало не жадный, особенно учитывая, что деньги, которые он так щедро выделяет в многочисленные фонды, собраны с самого же общества, с большей его части. Наркотики, проституция, вымогательство – всё по его части, а пускать деньги по кругу – самое любимое занятие.

Бальтазар легонько кивает очередному проходящему мимо сенатору и поворачивается лицом к идущему к нему мэру.

«Да, конечно, я поддержу строительство нового центра для людей с ограниченными возможностями и, само собой, выделю кругленькую сумму на твою избирательную кампанию», – думает про себя Бало и улыбается остановившемуся напротив мужчине.

Можно топить города в крови, травить чужих детей белым ядом, ломать судьбы и жизни, но при этом, если ты спонсируешь детские дома, выделяешь финансы на строительство домов для престарелых и всячески участвуешь в жизни города – ты чист, как родниковая вода. Парадокс жизни, которому Бальтазар не перестанет улыбаться.

Беседа с мэром затягивается минут уже на двадцать, и Бало ищет глазами Калума, чтобы приказать подогнать машину, как замечает того, кого в любое другое время даже взглядом бы не удостоил. Блестящий офицер, будущий новый капитан полиции, гроза преступности и любимчик прессы – Майкл Амато. Бальтазар с Майклом – Инь и Ян, вот только Бало почему-то уверен, что они оба «чёрное». Амато замечает буравящий его взгляд и отвечает таким же. Смотрит надменно прямо в глаза, так же усмехается и, пусть и без слов, возвращает Бало его приветствие. Калум вырастает у входа, словно почувствовав нужду своего хозяина в нём, а Бальтазар нарочно обходит толпу, чтобы пройти к дверям именно рядом с Амато.

– Я думал, преступность в нашем городе не позволяет вам свободно вздохнуть, а вы, Амато, находите время и для увеселений? – приподнимает уголки губ в полуулыбке Демон.

– Вы же здесь, мистер Росси, значит, улицы в безопасности, мне не о чем беспокоиться, – с ухмылкой отвечает Майкл. – Пытаетесь деньгами всех недовольных заткнуть?

– К сожалению, деньги не всегда помогают, – грустнеет Бало. – Но у меня всегда есть то, чем я могу заткнуть особо болтливых.

– Ваша самонадеянность когда-нибудь сыграет с вами злую шутку. Давно бы пора уже сдаться.

– Ваши амбиции не соответствуют вашим возможностям, но вы же не сдаётесь? – приподнимает бровь Бальтазар и хлопает мужчину по плечу. – Всего доброго, господин Амато.

Майкл провожает его мрачным взглядом и идёт к бару за выпивкой. Росси ушёл, но прилипший противной липкой слизью взгляд будто остался. Амато залпом выпивает две стопки, с улыбкой отвечает на заигрывания очередной дамы из высшего общества и просит своего шофёра. Тут ловить больше нечего.

Бальтазар опускается на заднее сиденье своего Мерседес Майбах Пульман, который из гаража выходит только на светские приёмы, и Калум трогается с места. Вечно безликий для Бало Амато вдруг приобрёл лицо, стал интересным. Бало никогда не уважал стражей порядка. Вину за это он всегда сваливал на саму же полицию. Сколько таких было и сколько будет – часть сразу сдалась, часть продана, некоторых пришлось хоронить. Но Амато не из робкого десятка. Хорошо, что у Бальтазара прочные связи в верхах, в частности, с боссами Амато, иначе Майкла пришлось бы тоже хоронить. Не то чтобы Бало этого не хотелось. Если раньше он не думал об этом, только чтобы не пачкать руки, то сейчас об этом думается всё чаще и чаще, и причину Бало видит в мелкой девчонке, которая, как заноза, впившаяся под ноготь, – долго что-то не проходит.

Бальтазар всегда относился к этому вечно лезущему в его дела, в то время ещё только детективу, как к назойливой мухе, сейчас отношение поменялось. Как, в какую сторону и почему – пока не понятно. Но картина, на которой Айна Фатих обвиняет своими стройными ногами торс Амато, так и не затёрлась. Снова стоит перед глазами, поднимает шторм в душе, требует выхода агрессии и злости. Бало кажется, от неё не избавиться. Если раньше Амато только раздражал, то сейчас хочется его на куски рвать, кромсать – начать с пальцев, пообру-

бать все, выколоть глаза. Чтобы не трогал. Чтобы не смотрел. Безумие какое-то. И пусть Бальтазар сам и есть чистой воды безумие, в этот раз ему оно не нравится.

Он требует Калума свернуть к одному из своих казино, расположившемуся в здании фешенебельного отеля. Калум по мобильному сразу же распоряжается, чтобы босса ждали его фаворитки и любимый виски. Бало надо выпустить пар. Надо снять усталость, притупить свою тягу, сбросить все эти ненужные мысли о чужой плоти под пальцами.

Бало пьёт много впервые за долгое время. Алкоголь не берёт даже с пятого бокала, только тело расслабляет, мозг так же работает чётким механизмом, будто назло всё ярче образ девчонки в кружевах выдаёт. Бало прокручивает их встречу на свадьбе, в сотый раз пересматривает плёнку с ее губами, ключицами, тонкими запястьями, шелковистыми волосами, тонет в ее глубоком взгляде, мысленно возвращается к острой линии подбородка. Представляет, как прикоснется к ней, как проведёт ладонями по гибкой спине, пересчитает рёбра, поднимется к горлу, попробует впервые ее кровь на вкус. Ее на вкус.

Бало сбрасывает с себя оседлавшую его блондинку, требует себе брюнетку. Долго смотрит на красивую девушку, ластящуюся, как кошка, у его ног, но не хочет. Одним взмахом руки отсылает. Тут дело не в цвете волос. Тут дело в Айне. Дело в тени от ее ресниц, в звёздах в смотрящих с вызовом глазах, дело в ее стальном стержне вместо хребта, дело в наточенном язычке. Дело полностью в Айне. И весь мир летит к чертям, засасывается в чёрную дыру, один миг и нет никого, ничего – есть только лисьи глаза и Бало, который тонет в них с головой. Демон больше правду отрицать не в силах.

Он хочет ее до сумасшествия сильно. С самой первой встречи, первого взгляда, первого «мистер Росси». Хочет не просто в постель. Не просто тело. Хочет себе. Хочет всю навсегда. Этому нет логики и объяснений, но от Айны даже на расстоянии нескольких шагов у Бало внутри пламя полыхает, и пусть, подойди она поближе, оно и ее испепелит, он всё равно хочет.

Эта кукла безумно интересна. Она пробуждает в душе невиданные доселе желания, она зажигает Бальтазара, усмехается, убегает, обрубает все связи, возводит стены, но что может остановить Демона? Ничего. Особенно когда Демон определяется с объектом желания, принимает реальность и готов её получить. Но сейчас никак. Сейчас не подберёшься. Деньгами ее не взять. Но у Бало есть кое-что поважнее всех денег мира. У него есть власть и сила.

Он выгоняет из номера всех оставшихся, хватая за горло бутылку и идёт нагишом к окнам, прислоняется к ним лбом, смотрит вниз на город, который принадлежит ему, и думает о той, кто ему не принадлежит. Пока.

Крис стоит на остановке, вдевает в уши наушники-капельки и поглядывает на дорогу в ожидании своего автобуса. Учёба вновь началась, и перед выступлением в конце месяца их преподаватель заставляет репетировать на износ. Она топчется на месте, пытается двигать онемевшими пальцами в кроссовках, мечтает о душе и своей постели, но мечты не спешат сбываться, автобуса всё нет и нет. Крис сбрасывает рюкзак с плеча прямо на тротуар, ноющая спина не в силах удержать даже ее вещи, и только собирается и сам присесть на обочину, как перед ней тормозит хорошо знакомый серый ламборгини. Стекло бесшумно опускается, и на девушку смотрят скрытые за зеркальными солнцезащитными очками и от чего-то до дрожи ее пугающие глаза.

– Садись, подвезу.

– Я как-нибудь сама, мистер Росси, – старается твёрдо звучать Крис.

– Мне нравится, когда ты называешь меня «мистер», но сейчас это слово неуместно, – ухмыляется Гаспар и повторяет просьбу.

Крис решает его игнорировать, проходит вперёд и начинает с небывалым интересом читать плакаты на стене.

«Сука, выйду, вырублю, в багажник засуну», – шипит про себя Гаспар и, проехав пару метров вперёд, паркуется.

«Он идёт, Господи, он идёт, что делать, куда деться?» – лихорадочно думает Крис и оказывается в тени нависшего за ее спиной мужчины.

– Я ведь хочу по-доброму, очень хочу, – Крис приходится повернуться лицом к говорящему. – Хочу помочь, хочу просто подвезти тебя. Ты живёшь в пригороде, ты явно устала. Что плохого в том, что ты сядешь в мою машину?

– Моя мама не разрешает мне садиться в машину к незнакомцам, – задирает подбородок Крис и ждёт, когда Гаспар перестанет громко, привлекая внимание остальных людей на остановке, смеяться.

– А если мы спросим у неё разрешение? – вдруг серьёзно спрашивает Гаспар.

– Я пойду пешком, – Крис вновь надевает на себя рюкзак и идёт прямо в надежде, что ее преследователь сдастся. Но не тут-то было. От такого хищника, как Гаспар, жертва никогда не спасается.

– Крошка, – Гаспар смыкает пальцы на чужом локте и грубо разворачивает девушку лицом к себе. Второй рукой он снимает очки и складывает их в нагрудный карман кожанки. – Я, видать, недостаточно ясно выражаюсь, – он становится вплотную, Крис вся сжимается. Гаспара резко слишком много, он перекрывает доступ кислороду, он затмевает собой всё остальное. – Ты вызываешь мой интерес, он огромен, не умещается во мне, как бы не лопнул и тебя бы не задел, так что садись в машину.

– Я не хочу, – чуть ли не пищит Крис, пытаясь скинуть с себя чужую руку. – Если вы не отпустите меня, то я буду кричать и обвиню вас в сексуальном домогательстве.

– Давай лучше сразу в изнасиловании, – подмигивает ей Гаспар и, увидев, как бледнеет девушка, исправляется: – Ты мне симпатична. Дай мне шанс познакомиться с тобой поближе.

– Я не хочу, – наконец-то выдёргивает руку Крис. – И вообще, у меня есть парень.

– Чудесно, – зловеще скалится Гаспар. – Может, мы подружимся, ты и нас познакомишь. Я хочу с тобой дружить, серьёзно.

– Но зачем вам это? – растерянно смотрит на него девушка.

«Выебать тебя хочу».

– Ты мне симпатична, как человек.

– Простите, мистер Росси, но вы меня пугаете, и было бы чудесно, если бы мы больше не сталкивались.

– Этого я тебе обещать не могу, – вздыхает Гаспар. – Но раз уж ты так уперлась, то я пошёл, не хочу ещё больше пугать крошку. Мы точно ещё увидимся.

Гаспар обратно надевает очки и идёт к ламборгини, а Крис возвращается на остановку, с которой только что уехал ее автобус.

Из больницы Айну выписывают через десять дней. Первый день она категорически отказывается оставаться дома и соглашается только при условии, что рядом будет Майкл. Два раза с ночёвкой к ней приходит Дэвон, и понемногу Айна отгоняет боязнь собственного дома. Майкл позаботился – ни пятнышка крови, ни разбитой посуды, даже стол со стульями новые. Но всё равно первые дни в квартире, где ее так жестоко избил Монстр, проходили очень тяжело. Понемногу Айна привык и уже перестала настаивать на компании по ночам, только вот свет в коридоре стала держать включённым. Она сразу после больницы вышла на работу и, не смущаясь ни синяков, ни гипса, продолжил заниматься любимым делом.

Почти месяц она проходила с гипсом, и вот уже пара дней как его ей сняли, и Айна, наконец-то, может полноценно функционировать, а не мучиться за ноутбуком с одной рукой.

Закончив статью про незаконную продажу земель в пригороде, Айна отключает ноутбук и идёт разогревать себе и Майклу ужин. Амато обещал приехать с ночёвкой к девяти, и Айна

заранее заказала побольше еды из корейского ресторана. Майкл, как и всегда, пунктуален. Он долго целует девушку на пороге, настолько долго, что ужин придётся разогреть во второй раз.

Айна соскучилась по нормальному сексу, поэтому, повиснув сейчас на шее своего парня, требует не жалеть ее и трахнуть пожестче. Майкл и сам не против после такого тяжелого рабочего дня, завершившегося неприятным столкновением с Росси. Он остервенело вгрызается в своё любимое тело, и, даже не спустив до конца брюки, насаживает девушку на себя. Айна стонет в голос, цепляется пальцами за спинку идущей ходуном кровати и просит не останавливаться. Майкл трахает с оттяжкой, изводит, выходит почти до конца, грубым толчком погружается полностью, заставляет Айну скулить от нетерпения.

Айна обожает секс, Майкл – ее тело. В постели у них идеальные отношения. Айне даже кажется, что Амато знает ее тело лучше, чем она сама. Айна любит пожестче, с ума сходит по форме Майкла, часто уговаривает его на ролевые игры и обязательно к утру срывает голос.

Утолив голод секса, они принимают душ вместе и уже потом сидят на кухне, и, поедая вкусную еду, делятся тем, как прошёл день.

– Мне скоро придётся убрать охрану, я и так слишком долго её продержал, и теперь надо объяснительную писать. Но ты не беспокойся, я найму тебе частную, – заверяет Майкл.

– Мне давно уже охрана не нужна, – пожимает плечами Айна. – И потом, это стоит бешеных денег, не надо.

– У меня достаточно денег, чтобы обеспечить охраной любимую.

– Порой я жалею, что не пошла в полицию, – смеётся Айна. – Потому что денег у тебя и вправду очень много. В любом случае, Бальтазар уже потерял интерес к моей персоне, и мне это только на руку.

С того злополучного букета, высланного в больницу более чем месяц назад, Айна от Бало ничего не слышала. Если ее план сработает, то, возможно, ещё очень долго не услышит. Возможно, лет двадцать.

– Я видел его вчера, – отправляя в рот кусочек жареного мяса, говорит Майкл. – На приёме.

– Он тебе что-то сказал? – Айна от нетерпения вперёд подаётся. – Что он хотел?

– Спокойно, – усмехается Майкл, не понимая такой реакции. – Мы просто обменялись любезностями. У меня при виде него аж кулак чешется. Я пролью его кровь рано или поздно. Не позволю ему думать, что можно трогать то, что принадлежит мне, и быть безнаказанным при этом.

– Хей, я не вещь, – шутливо возмущается Айна.

– Я знаю, – улыбается ей Майкл. – Но он сделал тебе больно – и я сделаю больно ему.

– Поверь мне, – щурит глазки Айна. – Я могу за себя постоять.

– Опять ты что-то задумала? – Майкл даже откладывает палочки в сторону.

– Ничего такого, за что тебе бы стоило переживать, – Айна подсакивает на ноги и начинает собирать со стола грязную посуду.

Утром вторника пятнадцатого июля Бальтазар Росси сидит в своём офисе и по традиции попивает любимый двойной эспрессо, слушая доклады Калума. Традицию нарушает постукавшаяся в дверь бледная секретарша, сразу за которой в кабинет проходят полицейские. Бало ироничным взглядом рассматривает полицейских, медленно делает ещё пару глотков из чашки, поднимается на ноги и, взяв со спинки кресла пиджак, надевает. Поправляет воротник в отражении окна, рукава, взглядом приказывает Калуму остаться в кабинете и, обойдя полицейских, выходит из кабинета первым. На столе рядом с чашкой недопитого кофе лежит газета NY Standart, на первой полосе которой огромными буквами красуется заголовок:

«Демонам место в Аду, заблудшим – за решёткой. Или как глава империи Росси пожаничал на государственную казну».

Айна не помнит чувства, хоть мало-мальски похожего на то, что испытывает сегодня с утра, стоит самому ожидаемому выпуску газеты NY Standart увидеть свет. Ее телефон ни на секунду не умолкает, звонят со всех ведущих телеканалов страны, кто-то поздравляет с успехом, кто-то приглашает на интервью. У Айны звёздный час, она купается во внимании, наслаждается, принимает кучу комплиментов и похвалы, запивает их любимым американо со льдом. А ещё она с каждым звонком вздрагивает, вот только так сильно ожидаемое имя на экране не высвечивается – Ихсан игнорирует самый крупный за последние годы успех дочери. Айна всё равно надежды не теряет, верит, что тот всё-таки с ней свяжется и хотя бы поздравит. А пока продолжает шутить над Дэвоном, наслаждается тем, как мегера самолично таскает ей кофе и сидит на столе, слушая подробности раскрытия самого громкого дела. Чувство удовлетворённости своей работой, радости и возбуждённости не омрачает даже периодически стучащая молотом по вискам тревога. Айна сама себя успокаивает, убеждает, что Росси точно будет сидеть за решёткой, а ее будет защищать вся полиция Нью-Йорка, и старается не заикливаться.

Бальтазар обвиняется в уклонении от налогов на сумму 400.000 долларов и ему грозит до пятнадцати лет тюремного заключения. На ближайшие два месяца глава семьи Росси будет заключен под стражу и находиться в СИЗО до суда. Айна этим себя и тешит – ему до нее не добраться. Высылать наёмников Бало тоже не будет, он слишком умён, чтобы убийством Айны ещё больше привлечь к себе внимание прессы и закона. Пока можно расслабиться и почитать на лаврах славы.

Айна кое-как сбегает из офиса к обеду и идёт пить кофе с Майклом в кофейне подальше от центра.

– Ты всё-таки это сделала, – усмехается Амато и обнимает девушку, воспользовавшись тем, что посетителей почти нет. – Поздравляю. Ты отлично потрудилась.

– Спасибо, – лучезарно улыбается Айна. – Я смотрела новости, его вывели из офиса прямо утром, буквально через пару часов после выпуска.

– Ты не оставила ему места для отмазок, конечно мы его забрали, – улыбается Майкл. – Набранного тобой материала хватит, чтобы упечь его минимум на лет одиннадцать. Но я всё равно не до конца доволен тобой.

– А я здесь не для того, чтобы тебя удовлетворять, – резко отвечает Айна и агрессивно помешивает свой капучино.

– Не злись, – кладёт ладонь на ее руку Майкл. – Ты знаешь, почему я это говорю, потому что я переживаю за тебя.

– Прости, – бурчит в чашку Айна. – Я немного взвинчена сегодня. Я, вроде, сделала то, к чему шла столько лет, а в итоге... странно всё это.

– Ты сделала то, что хотела, а теперь готовишь вторую волну? Когда обнарудешь остальное? Когда он уже пожизненно сядет? – приподняв бровь, смотрит на нее Амато.

– Послежу за ходом судебного разбирательства по этому делу и решу.

– Не надо тянуть, – подаётся вперёд Амато. – Давай сразу, уничтожь его основательно. Не позволяй ему подняться на ноги.

– Надо же, а ещё ты говорил, что это я одержима, – усмехается Айна. – Всему своё время. А теперь мне надо ехать на государственный канал. Слишком много интервью.

– Ты у меня звезда, – с гордостью заявляет Амато.

– Самая яркая, – поддакивает ему Айна.

– Потухнет. Догорит и медленно потухнет, размажу чёрную золу меж пальцев. А как красиво она будет гореть, лучше всех, кто был до, и тех, кто будет после, – Бало, облокотившись

на свои руки, сидит за железным столом в комнате для встреч в СИЗО и пристально смотрит на Гаспара. – Самое прекрасное зрелище из всех.

– Но при этом ты не позволяешь мне поехать туда, поджечь всю их долбанную редакцию, а эту мразь повесить прямо перед входом, как чучело, чтобы другим неповадно было.

– Не разрешаю.

– Тебе виднее, – разочарованно вздыхает Гаспар. – В любом случае, ты долго тут не проторчишь.

– Без сомнений, – усмехается Бальтазар. – Ты продолжаешь встречаться с наследницей Карло?

– Ну, типа того, – нехотя отвечает Гаспар.

– Мне они очень нужны, не хочу, чтобы повторилась история с дочерью мэра, когда за пару недель до свадьбы ты так сильно себя скомпрометировал.

– Не повторится, она без ума от меня, а я ей поводов сомневаться в том, что я тоже, не даю.

– Вот и прекрасно, – довольно говорит Бало. – А с Феретти что? Калум доложил, что у вас было столкновение в казино в Гарлеме и даже были трупы. Ты опять на рожон лезешь?

– Неправда, – начинает злиться Гаспар. – Калум один раз просто с задания не вернётся! А Марко заебал. Мы сделали ставки, он проиграл. Короче, палить начал, а я ответил.

– В итоге четыре трупа и дополнительное внимание к моей «семье», – раздражённо бьёт ладонью по столу Бальтазар. – Я тебя предупреждал, когда ты из тюрьмы вышел. Ты не понял?

– Да понял я всё, – холодно отвечает Гаспар. – Но Марко Феретти я убью. Просто знай это.

– Убей, но, будь добр, так, чтобы мне не пришлось отвечать за его смерть.

– Какие-то ещё пожелания будут?

– Да. Пусть мне нормальный кофе сварят. А эту бурду, – Бало толкает бумажный стаканчик с кофе брату. – Налейшь в глотку главному надзирателю, когда выйдешь. Только набери из кофейника, этот кофе остывший, будет неинтересно.

– Да, ваше демоническое высочество, – смеётся Гаспар и берёт в руку стаканчик.

Всю неделю Айна приходит домой за полночь и вымотанной. Бесчисленные интервью, допросы в полиции, встречи со своими источниками – всё это не оставляет времени даже на полноценный обед. Вот и сегодня Айна, только закончив разговаривать с одним из репортёров газеты из Лос-Анджелеса, несётся в суд, куда ее вызвали для предварительной консультации и где будет слушаться дело Росси. Прямо на входе Айна сталкивается с отцом, который здесь не работает, но часто ходит к своему хорошему приятелю, судье Джеймсу. Ихсан смеряет дочь презрительным взглядом и нехотя спрашивает, какими судьбами она тут.

– Ты можешь притворяться, что не знаешь, чем я сейчас занята, но у тебя плохо выходит, – зло отвечает ему Айна, которая каждый день ждала его звонка, но так и не дождалась.

– Слышал, – холодно отвечает мужчина. – Только надеюсь, нос из-за какого-то дела, которое тебе удалось раскрыть, задирать не будешь. Хотя, ты вечно его задираешь.

– Какое-то дело? – вскипает Айна, не обращая внимания на снующих туда-сюда прохожих. – Я засадила за решетку самого опасного человека города...

– Еще не засадила! – перебивает его Ихсан.

– Ах да, простите, ваш судейский молоток ещё по столу не постучал, – издевательски тянет слова Айна. – Но постучит. Это вопрос процедур и времени. Главное, что я сделала то, чего не смогла и не хотела сделать полиция и вся ваша долбанная система правосудия.

– Следи за выражениями, – взрывается судья.

– А ты даже не позвонил, – вдруг резко затихает Айна. – Ты даже не спросил, как я это сделала, не поздравил. Ничего. Хотя, кому я это всё говорю, тебе всегда было плевать на меня. И я ошибалась, думая, что это из-за того, что я пошла против твоих указаний, что выбрала

не ту профессию... На самом деле это всё отмазки, тебе просто нужны были причины меня официально не принимать, ненавидеть, и ты их нашел.

– Что за бабские сопли, – фыркает Ихсан. – С другой стороны, чего я ожидал от той, кто спит с тем, кто никогда на ней не женится.

– Я бы тебя ударил, – холодно отвечает ему Айна. – Но мама учила меня уважать старших, пусть старшие и ведут себя, как последние сволочи.

Айна обходит мужчину и скрывается за огромными колоннами здания правосудия.

Неприятное столкновение с отцом портит весь день Айны. Часть своей злости она выливает на коллег, немного достаётся и Майклу, а потом, решив, что хватит уже работать на износ, тем более главное дело своей жизни она почти закончила, Айна решает собраться и поехать куда-нибудь выпить. Майкл составить компанию отказывается, объясняя завалами в участке, в которых виновата сама же Айна. Девушка договаривается с Дэвоном и, наспех собравшись, выезжает в уютное лаундж-заведение, находящееся на последнем этаже отеля Кемпински.

Лаундж полупустой, учитывая, что день будний, поэтому они спокойно распивают коктейли, курят кальян и общаются. Дэвон уходит в одиннадцать, сославшись на то, что надо забрать жену и детей от брата, а Айна решает ещё немного посидеть и отдохнуть. Ее столик прямо у огромных в пол окон и перед ней открывается прекрасная картина на ночной город. Она берёт бокал в руки и, встав на ноги, вплотную подходит к окну, прислоняется лбом к стеклу и заворуженно следит за готовящимся засыпать городом.

Айна настолько глубоко ушла в свои мысли, что не замечает, как перестают за ее спиной снова туда-сюда официанты, как три занятых до этого столика теперь уже свободны, а на столах остывает чужой кофе и тает лёд в бокалах. Она ничего не замечает, смотрит на огни ночного города, летает в своих мыслях, но внезапно на шаг отшатывается назад.

На гладкой и тёмной поверхности стекла Айна отчётливо видит засасывающие в бездну своей глубиной, пробирающие лютым холодом чёрные глаза. Она думает, у нее уже паранойя, но повернуться всё равно боится. Прикрывает веки, говорит себе «показалось» и вновь открывает глаза. Ничего не изменилось, на нее всё так же пронизывающим взглядом смотрит Балтазар Росси. Айне кажется, у нее помутнение рассудка, вот только лучше бы было именно оно, чем уже так отчётливо чувствуемое на затылке чужое горячее дыхание, а значит, и реальность картины, от которой почему-то уже хочется вскрыться самолично.

Всё вокруг вмиг тускнеет, густой чёрный туман накрывает собой и яркие билборды на соседней высотке, и переливающиеся огни улиц, и мерцание, пусть и редких в это время суток фар. Он приходит и выключает свет. Он накрывает мраком всё вокруг, запускает на город мглу, обволакивает, и единственное, что в этой сгущающейся тьме продолжает гореть алым пламенем – это душа Айны.

Демон лично пришёл за ней. И она потухнет.

===== I can hear sirens, sirens =====

– Это... это невозможно, – борясь с внезапной засухой в горле, еле произносит Айна, так и не поворачиваясь, напротив, чуть ли в стекло не вжимается, лишь бы оставить между ними расстояние, не дать Демону пробраться в самую душу.

– В моём мире возможно всё, – доносится насмешливый голос, и Айна чувствует, как мужчина нагибается, водит носом по ее волосам, как стоит непозволительно близко, как одним своим присутствием заставляет жалеть о том, что вообще когда-то на свет родилась. Айну от этой нежеланной близости, двумя пальцами куда-то меж лопаток вонзающейся, заставляющей кровь в жилах стынуть, а кожу слоем льда покрываться, подташнивает. Ей кажется, если она сейчас эту мучительную пытку чужой рукой не прекратит, то ее стошнит на отполированный пол ее же внутренностями.

Она резко разворачивается, понимает, что делает огромную ошибку, потому что смотреть Бальтазару прямо в глаза невыносимо тяжело, находиться с ним на расстоянии пары сантиметров – смертельно. Айна видит на дне его зрачков отражение себя, точнее, того, что от нее остаётся после каждого такого столкновения, каждой мимолётной встречи. Возможно, эта последняя.

– Это какой-то идиотизм. Это ни в какие рамки не лезет, – Айна растерянно хлопает длинными ресницами и смотрит по сторонам.

На одном из столов, свесив длинные ноги вниз, сидит Гаспар Росси, который, поймав ее взгляд, сразу подмигивает ей. Айна неосознанно дёргается влево, будто от глаз хоть одного из этих братьев можно скрыться, но Бало кладёт руку на ее плечо, опускает медленно ниже, до локтя, наслаждается напуганным взглядом девушки, а потом усмехается:

– Я не давал ему приказа, значит, он тебя не тронет.

– Ублюдок, – Айна топит с головой недавнее прошлое, пропитанное болью, которой ее наградила старший Росси. Весь ее страх, собравшийся до этого в клубок, взрывается, даже она не в силах выстоять под натиском совсем свежих воспоминаний и хруста своих же костей, эхом отдающего в ушах. Айна сильно толкает мужчину в грудь, но тот даже с места не двигается.

– Ты должен быть в СИЗО! Ты должен быть под заключением до суда! Как ты так разгуливаешь на свободе? Как это вообще возможно? – кричит на весь ресторан Айна.

– Я там, – продолжает усмехаться Бальтазар, ещё больше выводя из себя своей улыбкой Айну. – Пресса, полиция, общественность – все убеждены, что я там. Так что закон работает, а ты молодец, ты отлично постаралась.

– Нет, нет, нет, – Айна обхватывает ладонями голову, чтобы унять отдающий стуком в уши звук под рёбрами, и обходит уже не мешающего ей Бало. – Этого быть не может. Это всё слишком, – она, как полоумная, бегаёт глазами по заведению, почему-то считает многочисленную охрану и продолжает судорожно глотать воздух, которого резко мало.

– Я аж горжусь тобой, – Бальтазар проходит к одному из столиков и, выдернув кресло, садится в него. – Я сомневался, что ты проигнорируешь предупреждение, но ты меня удивила. Я люблю удивляться.

Он подзывает одного из собравшихся за стойкой официантов, которых туда загнали его же люди, и просит «Хеннеси».

– Ты пришёл меня убить? – сирым голосом, опустив плечи, задаёт главный вопрос Айна.

Ясное дело, что да. Айна сделала то, чего хотела, думала, что у нее получилось, но до конца не сработало. Демон, даже получив срок, сидеть не будет, своим присутствием здесь он это только доказывает. И да, он пришёл ее убить. Реальность внезапно невыносима для ее хрупких плеч, наваливается бетонными плитами, складываемыми друг на друга, как домино, погребая под собой последние надежды, последнюю веру.

Сколько ей говорили «не лезь, убьёт», она всё равно лезла. Шла напролом, не сгибалась, не сдавалась, а сейчас даже себе признаться стыдно, но она жалеет.

Человеческая сущность чересчур самоуверенная и трусливая. До самой гильотины человек уверен в своём ангеле-хранителе, идёт даже к ней с гордо вздёрнутым подбородком, рассчитывает, что и в этот раз пронесёт. Но Айна больше не верит, что все те, кто полёг, кто положил голову на эшафоте, за секунду до того, как опустилось лезвие на горло – об этом не пожалели.

Айна жалеет. Смотрит в эти вырывающие ее душу глаза, в которых нет ни капли сострадания или хоть какого-то понимания, и осознаёт, что она проиграла, что не выстояла, что сделала самый большой шаг в своей жизни, а оказалось, он последний.

Миром правят сильные. Айна думала, она такая же, но перед ней Демон, и один его надменный взгляд втаптывает ее в чёрную почву, вбивает и сверху такой же засыпает. Смерть слишком высокая цена. Даже Айна её платить не готова, хотя почему-то думала, что сможет.

Она делает глубокий вдох, чувствует, как горло пощипывает от алмазных крошек, которые дерут слизистую, и решает, что умрёт достойно. «Как хорошо, что Дэвон ушёл», – вдруг думает Айна и даже улыбается про себя. – «А то даже на моей могиле бы орал, что «я же говорил, что был прав»».

– Я не убиваю людей, – прерывает мысли Аины тягучий голос Бальтазара. – Не делай из меня убийцу, ты и так столько всего на меня повесила, а сколько ещё у тебя в запасе...

– Откуда ты знаешь? – Айна подходит ближе и останавливается в четырёх шагах от кресла. Уже почти не страшно, всё равно это последняя ночь в ее жизни.

Бало делает глоток из бокала, ставит его на столик слева и вновь смотрит на девушку:

– Я знаю всё. Более того, я знаю будущее. Твоё точно знаю.

Он поднимается на ноги и медленными шагами подходит к Аине, нависает сверху непроходимой скалой, заставляет ёжиться в своей тени, окутывает своим запахом, уже руки протягивает. Айна чувствует костяшки на своём лице, но возмутиться не успевает – Бало сам отдергивает руку, и взгляд его всё мрачнее, молчит пару секунд, а потом вкрадчиво спрашивает:

– Ты не боишься смерти?

– Я знала, на что я иду, так что не боюсь, – спокойно отвечает Айна, которая терять лицо не будет, пусть и внутри землетрясение, под собой города хоронящее.

– Тебя просто неправильно с ней знакомили, – хищный оскал пугает Аину, и ей снова хочется спрятаться, лишь бы перестать находиться так близко к Демону. – Вторую часть файлов свет не увидит.

– Ну конечно, ты же меня убьёшь, – сглатывает вязкую слюну Айна.

– Ни в коем случае, – ласково говорит Бало и снова тянется.

Айна делает шаг назад, а Демон вперёд, всё пытается дотянуться, дотронуться. Айна не понимает его такую очевидную тягу. Бало сам её не понимает. Но трогать – его острая необходимость, будто бы зло внутри успокаивается, демоны умирятся. Он сразу чувствует себя лучше. Высасывает пальцами чужую душу, подпитывает свою.

– Я покажу тебе кое-что намного хуже смерти, – говорит, а в глазах Ад свои врата раскрывает. Айна видит полыхающее пламя, чувствует запах палёной плоти, знает, что это она сама в этом огне сгорает.

– Сыграй со мной в игру, выпусти файлы. Я потерял почти полтора миллиона, потеряю ещё больше со вторым докладом, а я ведь убивал за меньшее, куколка, – продолжает тем временем Демон.

– Ты ужасный человек, – еле слышно произносит Айна, потому что с ней даже говорить не хочется. Они на разных полюсах, они лёд и огонь, свет и тьма, им не о чем говорить, им никогда друг друга не понять.

– Идём, покажу тебе кое-что, – Бальтазар протягивает руку, и Айна знает, что или ее потащат силой, или она сама пойдёт. Она вкладывает ладошку, позволяет ледяным пальцам сплестись со своими и следует за направляющимся к двери на балкон мужчиной. Прямоком в ад на своих двоих.

Холодный ночной воздух пробирает до костей. Айна ёжится, хотя на дворе лето и она одет в топ, пусть он весь и в дырках по задумке дизайнера. Бальтазар останавливается у перил, облакачивается, смотрит на город внизу, кажется, даже забывает, что он не один. Айна топчется рядом, не может понять, в какую игру они играют, всё думает, что лучше бы она поскорее закончилась. Рядом с Бало тяжело дышать, не то чтобы соображать, тем более, на что-то надеяться. Бало резко поворачивается к ней, одним движением подхватывает ее под задницу и, повернувшись, сажает на перила. Айна испуганно цепляется пальцами в его запястья, боится обернуться на чёрную пропасть за собой.

– Что ты делаешь? – пищит испуганно, ногтями в чужие руки впивается.

– Не бойся, – Бальтазар разводит ее ноги, становится вплотную прямо между ними. Айна от страха обвивает его торс ногами – что угодно, лишь бы не полететь вниз головой с высоты шестнадцатого этажа. Бало близко настолько, как до него был только Майкл, настолько, что впору бы самой податься назад и полететь вниз на встречу с асфальтом. Это неправильно. Этому не может быть оправданий, но Айна его обнимает, не реагирует на дыхание, обжигающее шею, на бьющееся почти что под ухом самое чёрное сердце из всех, держится, как за якорь. Предаёт себя.

– Страх смерти – странная штука, – Бальтазар заводит руку за ее спину, водит пальцами по позвоночнику. – Ты такая смелая и борзая, борющаяся с несправедливостью и преступностью, а стоит тебе оказаться на волосок от смерти, ты обнимаешь меня, цепляешься, держишь. Ты забываешь, кто я. Сейчас я – твоя смерть и твоё спасение. В шаге от смерти нет плохих или хороших.

– Спусти меня, я боюсь высоты, – у Айна позорно дрожит голос. Она действительно боится высоты с самого детства. А сейчас готова от страха лицом в его выемку меж ключиц зарыться, но это последний бастион – его Демон не возьмёт.

– Ты ведь ничего не боишься, – Бало обхватывает пальцами ее запястья и легонько толкает девушку в грудь. Айна вскрикивает, отчаянно машет закованными словно в кандалы чужих пальцев руками и сама подаётся вперёд, прижимается, обнимает изо всех сил, намертво вцепляется. Бало обнимает в ответ, гладит по волосам, по спине, шепчет, что «не отпустит, не сегодня», и Айна верит.

Постояв так казавшихся Аине вечностью пару минут, Бальтазар снимает ее с перил, даёт ей прийти в себя, выровнять сбившееся дыхание. Стоит разуму вытеснить страх, и Айна сразу же отталкивает его и отскакивает в сторону. Бало на это только улыбается.

– Ты хочешь сказать, что ты вовсе не плохой и что я зря тратила своё время, но не выйдет. Ты преступник, на твоей совести сотни смертей, и ты должен сидеть. То, что я цеплялась за тебя – это неосознанно, ты сам это прекрасно понимаешь. Это был страх, – непонятно кого убеждает Айна – себя или Демона.

– Чистый животный страх. Он прекрасен. Ты прекрасна, – продолжая откровенно разглядывать ее, говорит Бало. – Всё, что ты говоришь, я отлично понимаю, как и то, что ты больше ни слова про меня не напишешь.

– То есть ты меня не убьёшь сейчас? – растерянно смотрит на него Айна.

– Нет, но я покажу тебе, что с тобой будет, если ты ослушаешься меня во второй раз, – одним своим тоном чужую душу на нитки распускает. – Ты и так исключение, так как я делаю предупреждение один раз. Но играть с тобой мне нравится.

Бальтазар хватает Айну за руку и, насильно таща ее за собой, проходит обратно в зал, идёт прямо к Гаспару. Он берёт пистолет брата, лежащий рядом с ним, осматривает, а потом, не целясь, стреляет в первого попавшегося официанта. Айна вскрикивает и, прикрыв ладонью рот, в ужасе оседает на пол у стола, на котором сидит Гаспар. Остальной персонал забивается за барную стойку, и Айна только слышит чужие всхлипы, доносящиеся оттуда. Застреленный парень лежит на полу, а Айна, как завороченная, смотрит на расплзающуюся под ним лужу крови.

– Зачем? – пропитанным болью голосом спрашивает Айна и поднимает глаза на стоящего рядом Бальтазара.

– Убийство – самое страшное преступление, – Бало возвращает брату пистолет и смотрит на нее, так и сидящую на полу. – Ты убила его.

– Ты больной.

– Я легко могу повесить на тебя это убийство, а ещё могу повесить парочку других, даже обвинение в педофилии могу, – монотонно говорит Бало. – Представь, какой кошмар, добро-

порядочная гражданка, именитая журналистка, оказалась наркоманкой, алкоголичкой, убийцей. Ты только выбери, за что хочешь сидеть, и я тебя посажу.

– Психопат, – продолжает повторять одними губами Айна.

– Я убил перед тобой, но ты этого не докажешь. С чего ты взяла, что ты сможешь упечь меня за решётку своими докладами? – Айна чувствует, как меняется голос Бальтазара. От холода в его интонации хочется сдохнуть, хочется стать несчастным официантом, который погиб из-за Айна же. – Я могу опозорить тебя перед общественностью, ты никогда не увидишь свою малышку сестрёнку, потому что преступникам видеть детей не положено...

– Откуда...

– Твой любовник сам от тебя откажется, потому что не пристало капитану полиции спать с девчонкой, которая обвиняется в таких страшных преступлениях.

– Откуда... – Айна сжимает пальцами коленки, чувствует закинутое умелой рукой горящее лассо отчаяния, обвивающее горло.

– Я не убью тебя. Я тебя уничтожу. Докажи мне свою смелость, скорее тупость, и я реализую всё вышесказанное, – Бало идёт обратно к своему креслу. Он опускается в него, берёт в руку бокал и будничным тоном говорит своей охране:

– Мне нужен ее зуб.

– Что? – удивлённо смотрит на брата Гаспар.

– Что? – вторит за ним растерянная Айна и начинает отползать назад по мере того, как на нее двигается громила с щипцами.

– Что ты творишь? – кричит Айна и только поднимается на ноги, чтобы сорваться к выходу, как бугай хватает ее за шкуру и волочит по полу к боссу. Швыряет на пол так ничего и не понимающую девушку, садится сверху, подзывает второго, который блокирует руки и фиксирует голову кричащей и барахтающейся Аины.

Она отбивается из последних сил, прячет лицо в задравшемся до подбородка топе, но они сильнее. Шок мешает бороться, соображать, она всё ещё отчаянно верит, что это шутка, что очередная угроза, что Бальтазар не до такой степени психопат. Сжимает в зубах свою одежду, молится высшим силам, чтобы так же, как и в ее любимых американских фильмах, полиция в последний момент успела, чтобы приехали, спасли ее, вырвали из лап этого чудовища. Но никаких сирен, оглушающих всё вокруг, никакой полиции, никакого спасения. Демон восседает на троне, попивает коньяк, наслаждается зрелищем, не поднимает большой палец вверх, пусть и не опускает, но Айна уже всё равно в трясине, захлёбывается страхом, предстоящей болью, сдаётся снимающей скальп безнадёжности. Айна один на один со своим личным кошмаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.